

ОГОНЁК

№ 46 НОЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В. И. ЛЕНИН ПРОВОЗГЛАШАЕТ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ.

Картина В. А. Серова.

Да здравствует 35-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции!

ШТУРМ ЗИМНЕГО.

Фрагмент картины художника **П. П. Соколова-Скаля.**

На последней странице обложки: Цимлянская гидроэлектростанция.
Фото М. Савина

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 46 (1327)

7 НОЯБРЯ 1952.

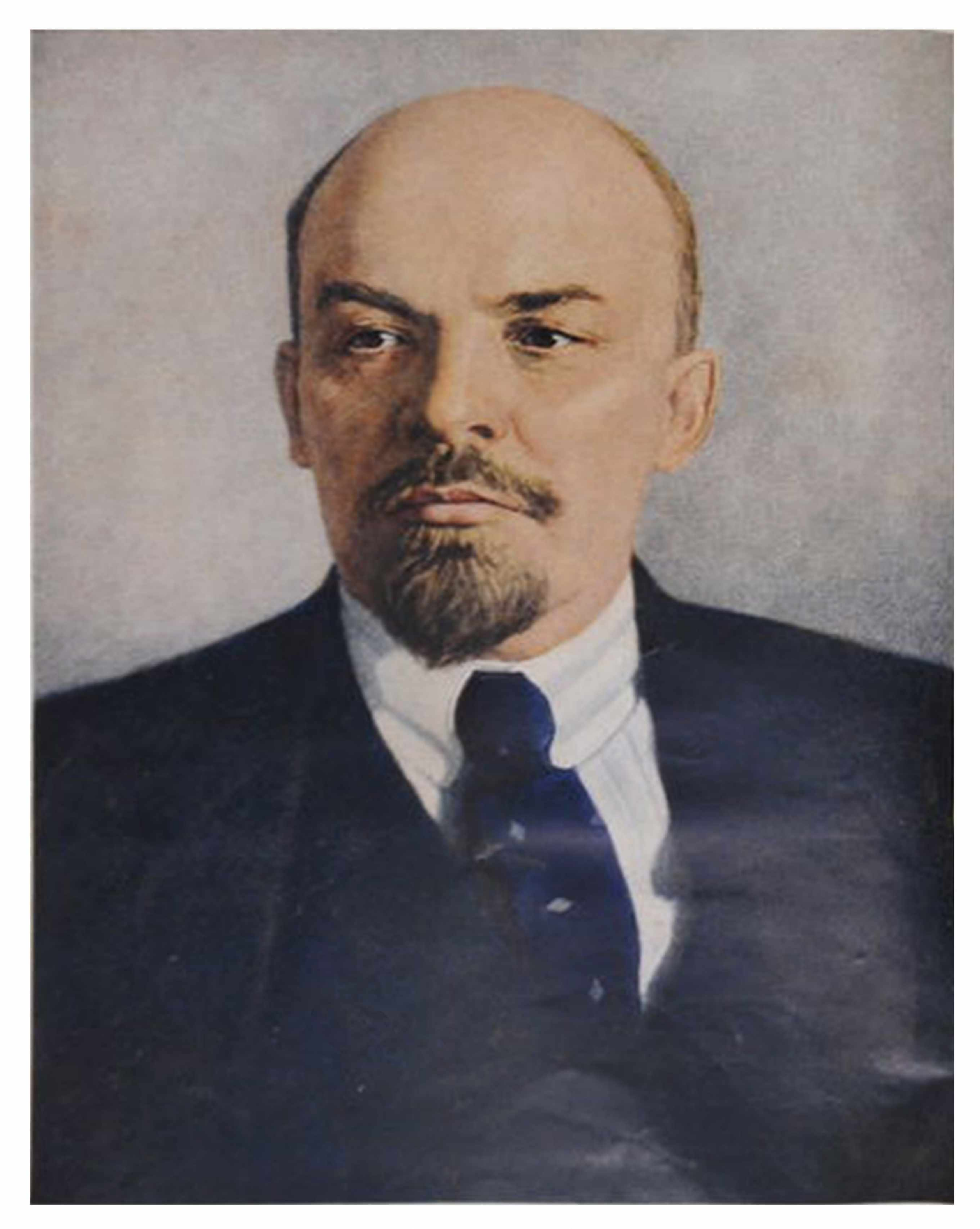
30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

[illegible]

[illegible]

Владимир Ильич ЛЕНИН.

Иосиф Виссарионович СТАЛИН.

[illegible]

ВОЖДИ ОКТЯБРЯ. Картина Н. П. Христолюбова

КОММУНИЗМ ПОБЕДИТ!

7 ноября... Три с половиной десятилетия тому назад в этот день родилось первое в истории человечества социалистическое государство. Провозгласив победу советской власти, великая партия Ленина — Сталина возвестила наступление новой эры — эры освобождения людей труда от капиталистического и всякого иного рабства, от мерзостей эксплуататорского общества.

7 ноября 1917 года положило начало коренным преобразованиям в жизни человечества. На арену общественной деятельности вышли пробужденные Лениным и Сталиным народные «низы» — труженики, подлинные творцы прогресса. Их энергия, освобожденная революцией от оков социального рабства, неизмеримо ускорила ход истории.

Народы нашей Родины, став в авангарде передового человечества, не получили никакой отсрочки для накопления сил. Только что рожденное социалистической революцией государство, первым словом которого, обращенным ко всем народам Земли, было слово Мир, оказалось вынужденным вступить в кровавую борьбу за свое существование. Поколение наших соотечественников, свершившее Октябрьский переворот и отразившее первые яростные атаки международной реакции, может рассказать молодежи о том суровом времени, когда товарищ Сталин, бесстрашно глядя правде в глаза, говорил народу и партии:

— Либо создадим свою армию... либо пропадем...

Навязанная нашему миролюбивому государству гражданская война закончилась плачевно для тех, кто попытался заставить время течь в обратном направлении. Иноземные захватчики и белые генералы получили по заслугам.

Вооруженная борьба между старым миром и миром нарождающимся сменилась великим соревнованием двух систем. Нашей стране предстояло преодолеть расстояние, отделявшее ее от передовых государств капитализма, обогнать их в индустриальном развитии. Путь, измерявшийся прежде столетиями, надо было пробежать за десяток лет, не больше. И снова неистощимой верой в народные силы, в неиссякаемую мощь народного труда прозвучали по стране сталинские слова:

— Либо мы сделаем это, либо нас сомнут...

Нелегко было сражаться в одиночку против армий четырнадцати государств, осаждавших со всех сторон молодую Республику Советов в годы гражданской войны. Однако все эти армии были выброшены за пределы советской земли. Нелегко было в разоренной, технически отсталой стране, без внешних займов, в условиях подрывной деятельности вредителей и диверсантов закладывать и строить новые заводы, города, электростанции. Нелегко было крестьянской бедноте и середнякам в обстановке кулацкого террора перепахивать межи первыми тракторами. Однако мы сумели в кратчайший срок осуществить сталинский план индустриализации страны, создать совершенно новое хозяйство в деревне, выбросить на свалку истории эксплуататорские классы со всем их охвостьем и всесторонне подготовиться к активной обороне социалистического Отечества.

Прошедший недавно XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза подвел итоги важнейшему периоду в жизни социалистического общества. Это был период всестороннего испытания жизнеспособности, крепости и силы нашей страны, общественного и государственного строя, восторжествовавшего в ней в результате революции Октября 1917 года. Из этих испытаний Советский Союз вышел со славой, еще более окрепшим и еще более могущественным. Коммунистическая партия Советского Союза, возглавляющая народы СССР, оправдала свое звание «Ударной бригады» мирового революционного и рабочего движения, «особенно в период второй мировой войны, когда Советский Союз, разгромив немецкую и японскую фашистскую тиранию, избавил народы Европы и Азии от угрозы фашистского рабства» (И. В. Сталин).

Война против фашизма примерно на две пятилетки задержала экономическое развитие нашей Родины. Но победы 1945 года на Западе и на Востоке, помимо того, что они во всем величии раскрыли перед человечеством могущество Советского Союза, создали благоприятные условия для дальнейшего, еще более быстрого движения вперед, к цели, стоящей, как светлый маяк, перед нашим народом, — к коммунизму.

Лицо мира неузнаваемо изменилось в результате вторичного поражения, нанесенного силам международной империалистической реакции. Империалисты хотели разгромить демократию и социализм, а вопреки их желанию в итоге войны создался могучий лагерь демократических стран во главе с Советским Союзом. Теперь от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии, как сказал на XIX съезде партии товарищ Сталин, появились новые «Ударные бригады».

Для миллионов людей, освободившихся после войны от империализма и вступивших на путь мира, демократии и социализма, советский народ стал учителем жизни, наставником в труде и борьбе за счастье. Опыт Советского государства ускоряет движение народов к социализму. Разведанный и проложенный нашим народом путь стал достаточно широкой дорогой, чтобы по ней могли значительно скорее и легче, чем мы, пройти новые сотни миллионов тружеников других стран.

Советские люди, руководствуясь ленинско-сталинским учением о преобразовании общественной жизни, совершают в наши дни постепенный переход от первой ко второй, высшей стадии коммунизма. XIX съезд партии Ленина — Сталина вошел в историю освободительного движения как съезд строителей коммунизма. Намеченные съездом планы дальнейшего развития нашей страны открывают величественную картину нового расцвета жизни и творчества народных масс, сознательно переделывающих природу и самих себя, совершающих чудеса трудового героизма.

Духовная жизнь советских людей в последнее время обогатилась величайшими открытиями в науке. Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и «Экономические проблемы социализма в СССР» представляют собою крупнейший шаг в познании объективных законов истории, являются глубочайшим проникновением в «тайны» происходящих независимо от воли людей процессов развития общественной жизни. Овладение этими законами умножает могущество человека-творца, позволяет ему активно воздействовать на ход событий, предвидеть грядущее и не останавливаться перед трудностями и противоречиями современности.

В формуле основного экономического закона социализма мы видим точное отражение нашей действительности. Когда мы читаем: «...обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники», — мы видим лицо нашего общества, то, что нас окружает повседневно, что осуществляется, растет и развивается при нашем участии.

Ничто не поднимает так энергию, как ясность поставленной цели. В классической работе «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин с предельной ясностью определил пути нашего народа к его великой цели. Выдвинутые товарищем Сталиным программные положения об основных предварительных условиях перехода к коммунизму представляют собою гениальное предначертание ближайших конкретных задач нашего строительства во всех сферах народной жизни.

Что должны сделать советские люди для перехода к коммунизму?

Первое: прочно обеспечить непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства.

Второе: поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение заменить системой продуктообмена.

Третье: добиться такого культурного роста общества, который обеспечил бы всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей. Для этого надо: сократить рабочий день по крайней мере до шести, а потом и до пяти часов; ввести общеобязательное политехническое образование, чтобы люди имели возможность свободно выбирать профессию; улучшить жилищные условия и поднять реальную заработную плату рабочих и служащих минимум вдвое.

Все это вместе взятое будет означать реальный переход от экономики социализма к экономике коммунизма.

Таковы начертанные Сталиным перспективы. Таковы источники всенародного вдохновения, которым живет ныне наша страна.

Коммунизм победит! Мы постараемся, чтобы скорее приблизился час, когда мы сможем на весь мир провозгласить: вот он, коммунизм! Мы его создали своими руками!

Нас приведет к коммунизму могучая Коммунистическая партия. Нас приведет к этой победе великий Сталин!

ГОД ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

К холодному небу высоко поднимаются стрелы гигантских кранов стройки на Волге. Сиверко — ледяной порывистый ветер с Волги — обжигает лица бетонщиков, уже пришедших под Жигули. Взлетают звезды над ковшами расплавленной уральской стали, сваренной невиданно скоро. На станке скоростника резцы снимают тонкую стружку металла со стержня, вращающегося с поразительной быстротой. Новорожденные тракторы челябинцев и самосвалы минчан оставили первые следы на смоченной дождем земле. Бьют склянки на морском корабле, вошедшем в Волго-Донской судоходный канал имени В. И. Ленина...

Идет последняя трудовая вахта года тридцать пятого. Наступает доброе утро тридцать шестого года жизни Советского государства.

Сделан еще один шаг вперед к заветной цели, во имя которой Ленин и Сталин поднимали народ на свержение власти капиталистов и помещиков. Мы стали ближе к коммунизму, стали крепче, мудрее. Народ получил на вооружение гениальный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Решения XIX съезда партии ярким светом озарили наш путь в прекрасное будущее. И чтобы еще быстрее продвигаться вперед, мы оглядываемся назад, мысленным взором окидывая все выполненное, построенное, добытое и завоеванное за минувший год.

Это сделано на тридцать пятом году советской власти!

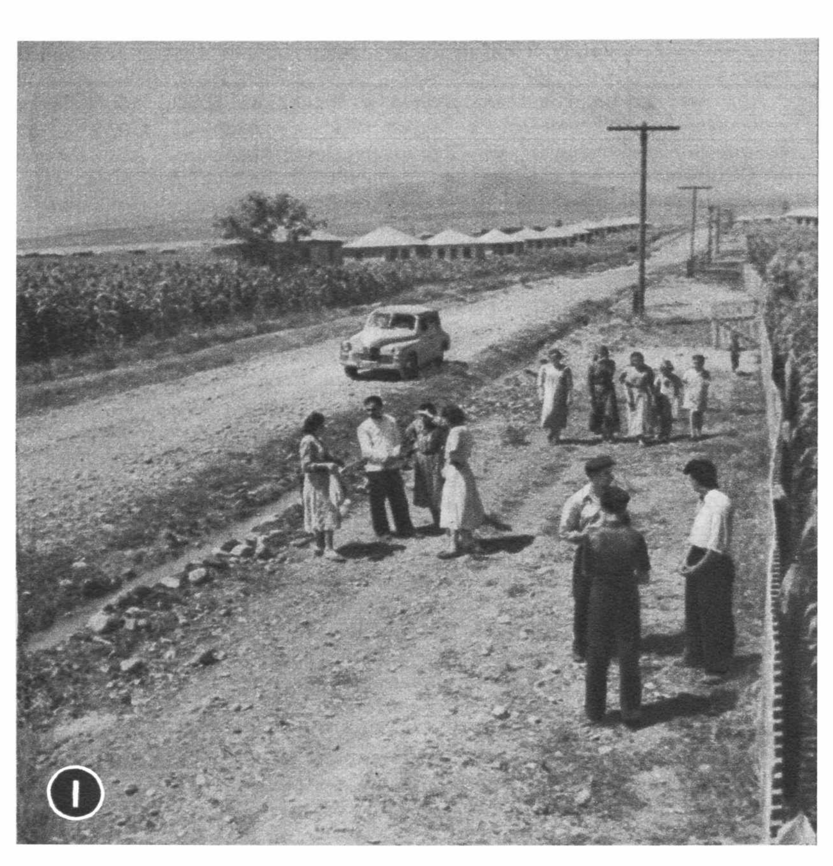
Сколько томов потребовалось бы, чтобы только перечислить и представить в фотографиях все то, что родилось на советской земле за один последний год! Если бы авиатор вздумал лететь над просторами Родины, пользуясь старыми картами, он, вероятно, заблудился бы, запутался в неожиданных для него ориентирах — морях, каналах, стальных магистралях, городах, заводских корпусах и поселках. Вон плещутся под крылом самолета свинцовые воды Цимлянского моря. Внизу серебрится окаймленная зеленью лента магистрального канала, прорезавшего поля Запорожья, и штурман засекает: Каменская оросительная система. Она дает воду трем тысячам гектаров колхозных земель. Вьется дымок паровоза в степи — идет поезд на Новую Каховку. Мелькнули белые домики нового города в пустыне — под нами Тахиа-Таш. Самолет взял курс на восток. Вдали показалась огромная стройка — приближаемся к Усть-Каменогорску.

Новое море... Новая железная дорога... Новый город... Новый магистральный канал... И все они появились на карте Родины за один год.

Советские люди строят новое общество. Они на деле доказали, что труд человека несравненно продуктивнее тогда, когда им движет не шкурный интерес кучки богатеев, а разумная воля миллионных масс, вдохновленных светлыми идеями коммунизма. Они на деле доказали: труд социалистического общества приобретает исполинский размах, он меняет географию земли. И чем старше становится это общество, тем с большей быстротой воплощаются в жизнь самые дерзновенные его замыслы.

— Время, вперед! — таков боевой клич строителей коммунизма.

У них много дел, много забот, планов, и им надо торопиться. Каждый день прожитого года отмечен большими трудовыми усилиями героев нашего времени. И вот плоды их усилий...

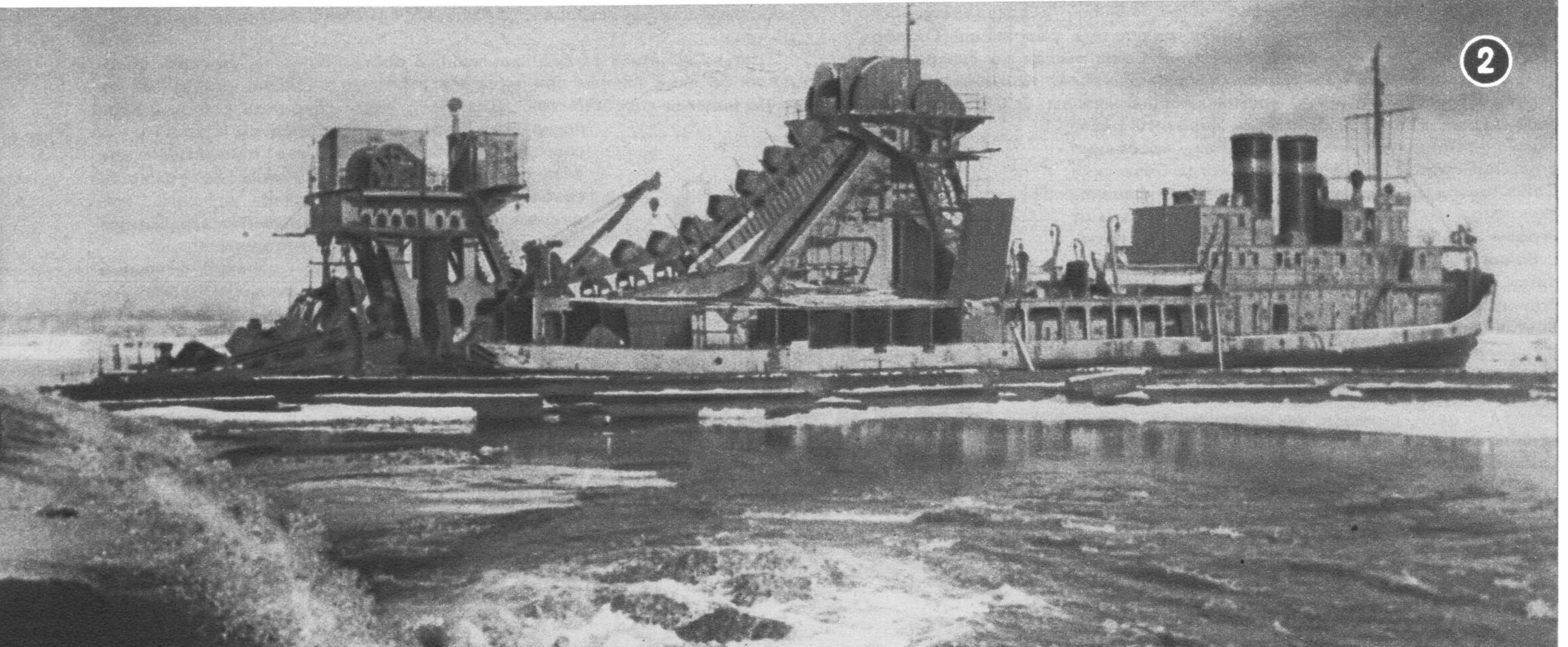

1

10 ноября 1951 года. Это было начало тридцать пятого года советской власти. Газеты еще продолжали печатать сообщения об Октябрьских празднествах. А в этот же день в Самгорской степи, там, где более полувека назад И. В. Сталин проводил первую рабочую маевку, подымая и сплачивая рабочих Тбилиси против самодержавия и капитализма, собрались на большое торжество сто пятьдесят тысяч человек. Что привело их сюда?

...Идет большой народный праздник — сооружено тбилисское водохранилище со сложными гидротехническими сооружениями, завершено строительство Верхнемагистрального канала Самгорской оросительной систе-

Землечерпалка «Пятилетка».

мы, названной именем Сталина. И всем, кто рукоплескал водам Иори, хлынувшим в канал, хорошо было известно: пройдет месяц — другой, и сюда, на орошенные земли, приедут с гор сотни крестьянских семейств. Зацветет тут счастливая и богатая жизнь.

Вот снимок, сделанный в этой же степи через несколько месяцев после памятного торжества. Далеко тянется широкая новая улица села Сартичала. Ровной линией вытянулись дома колхозников-переселенцев. На десять лет государство дало им кредит: стройте свои дома, быстрее осваивайте орошенные земли!

2 В дни, когда тбилисцы встречали воды Иори, большой праздник был и у соседей, в Армении: в высокогорном селе Бардзрашен вспыхнули огни новой гидроэлектростанции — второй по мощности среди сельских ГЭС республики. Почти в то же время в Киеве завод «Красный экскаватор» выпустил первую партию малых экскаваторов для мелиорации. На строительстве Куйбышевской ГЭС начал действовать созданный коллективом «Красного Сормова» огромный пловучий завод — землечерпалка «Пятилетка», заменяющая свыше двадцати тысяч рабочих. На Чукотке, в Марковском районе, двадцать девять семей колхозников-оленеводов переселились в отстроенные для них рубленые дома. В Калинине состоялось открытие выстроенного после войны здания областного Театра драмы.

Вступил в строй... Состоялось открытие... Успешно прошло испытание... Строители рапортуют...

Так в любой день года доносились вести то из одного, то из другого уголка страны, вести о событиях разного масштаба, но одинаково глубокого значения и смысла.

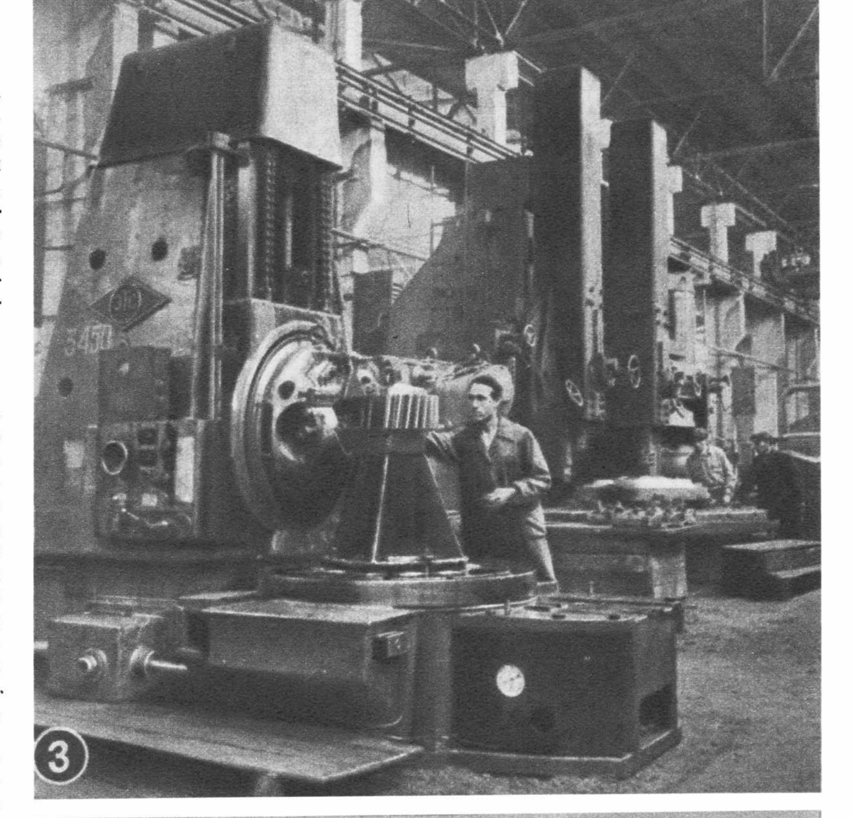
3 Коломна. Цех завода тяжелого станкостроения. И его имел в виду товарищ Г. М. Маленков, заявив с трибуны XIX съезда партии, что в СССР за 1946—1951 годы было восстановлено, построено и введено в действие около семи тысяч крупных государственных промышленных предприятий. Здесь, в Коломне, на тридцать пятом году советской власти были созданы новые совершенные станки — огромные, высотой с двухэтажный дом, каких никогда еще не делали в нашей стране.

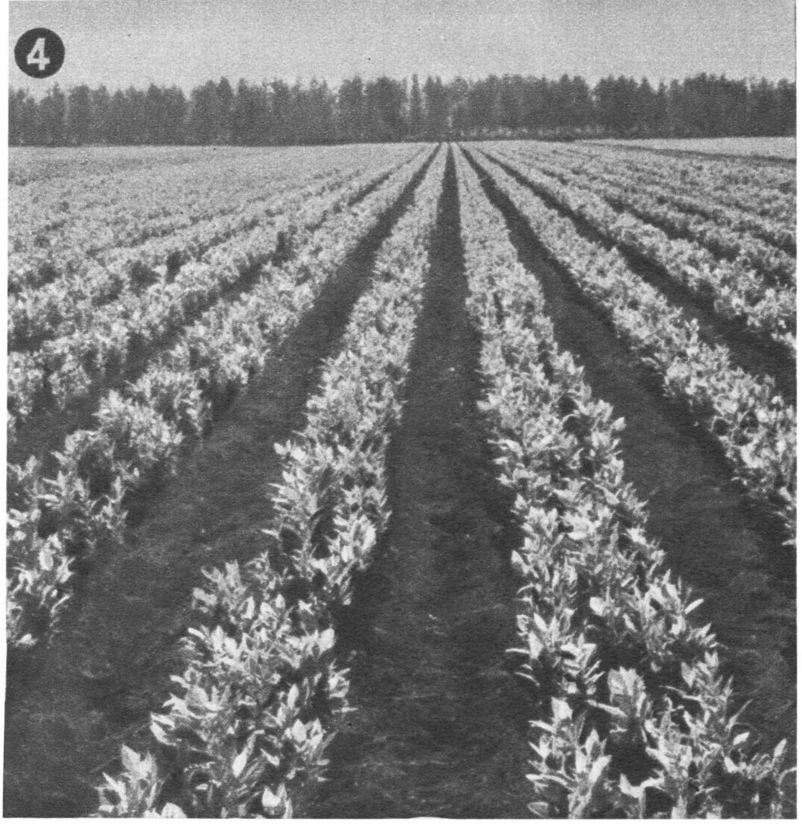
4 Сталинская область. Питомник Велико-Анадольского лесного хозяйства. Год рождения этих молодых деревьев — 1952-й. Шумит на ветру молоденький ясень — большая у него будущность, и многое дано ему свершить в борьбе советских людей за покорение буйных сил природы. Это о нем сокрушался русский крестьянин, о нем говорил чеховский доктор Астров: «Человек одарен разумом и творческою силой, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее».

Впервые в истории разум и творческая сила миллионов людей направлены на то, чтобы и лесов было больше, и реки не сохли, и климат был бы чудесным, и земля, охраняемая зелеными стражами, становилась бы год от года щедрее.

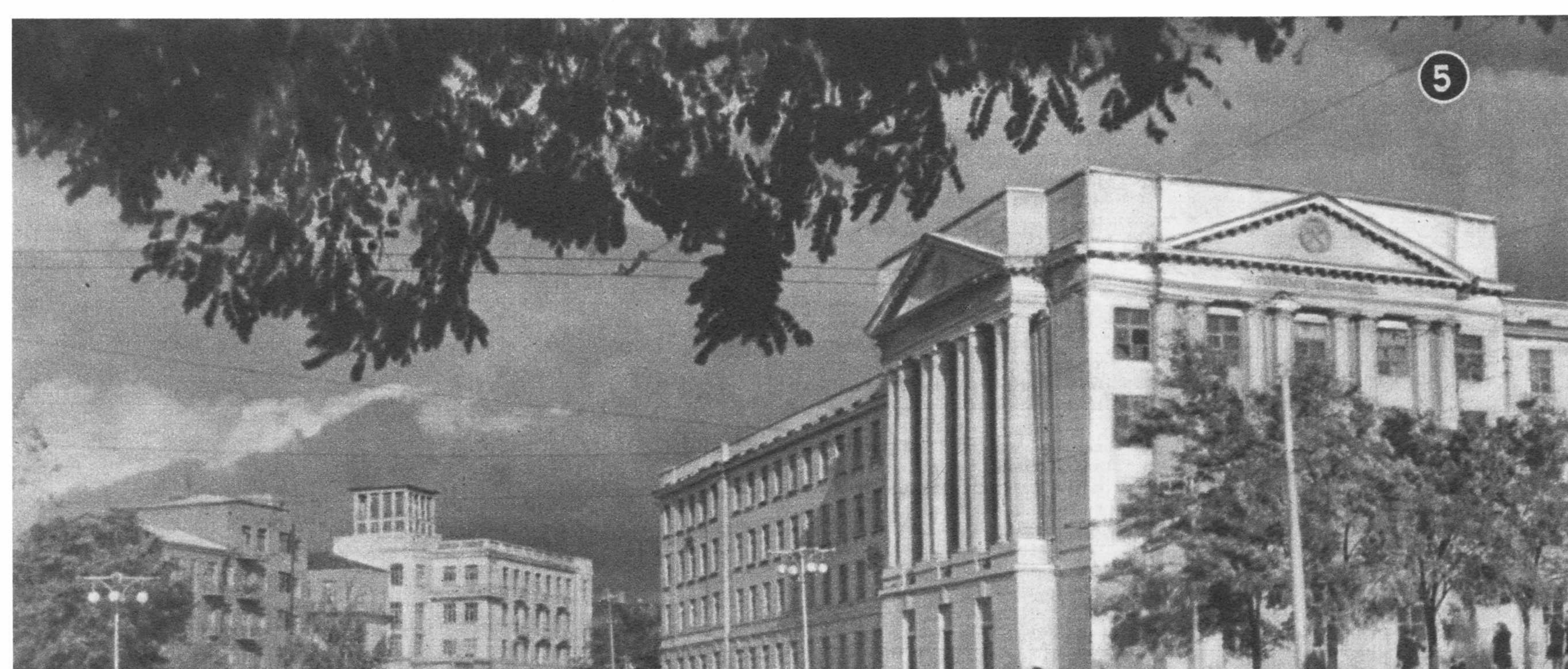
5 Днепропетровск—город чугуна и стали, один из многих советских городов, сказочно быстро залечивших тяжелые раны войны. Свыше шестисот тысяч квадратных метров жилищ получили тут трудящиеся после войны. Но строили не только жилые дома.

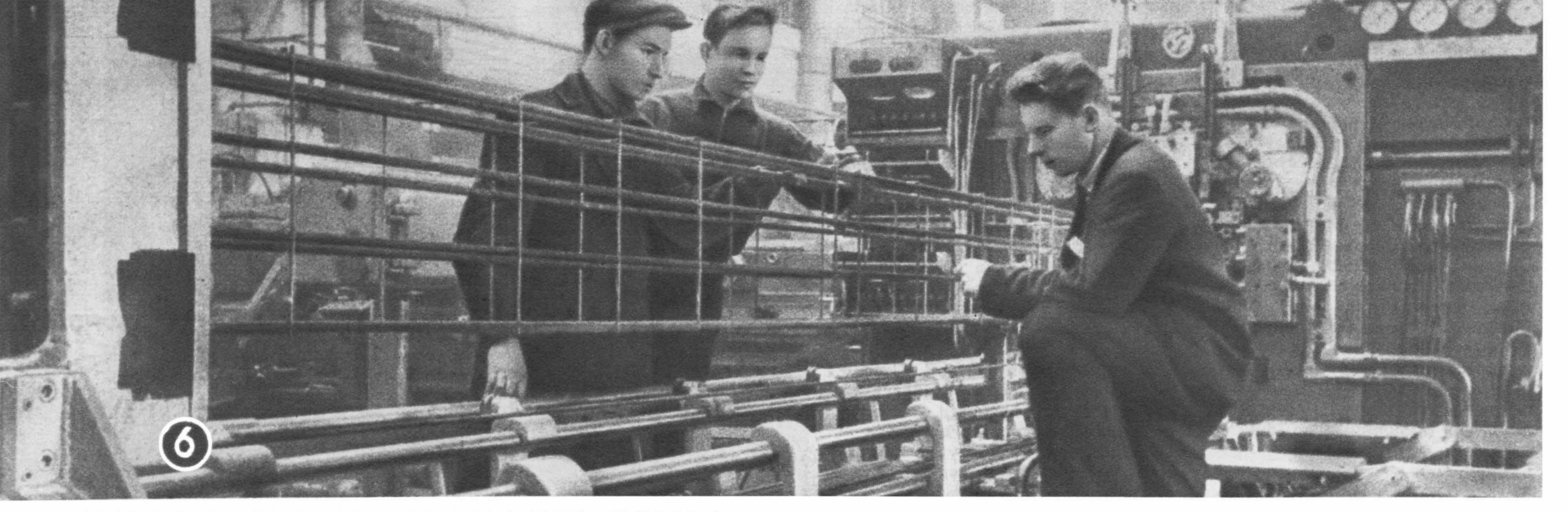
Школы, больница, первый в Советском Союзе Дворец культуры студентов, клуб работников советской торговли, институт технического обучения Министерства черной металлургии, здание Горного техникума... И все это за один год, в одном городе!

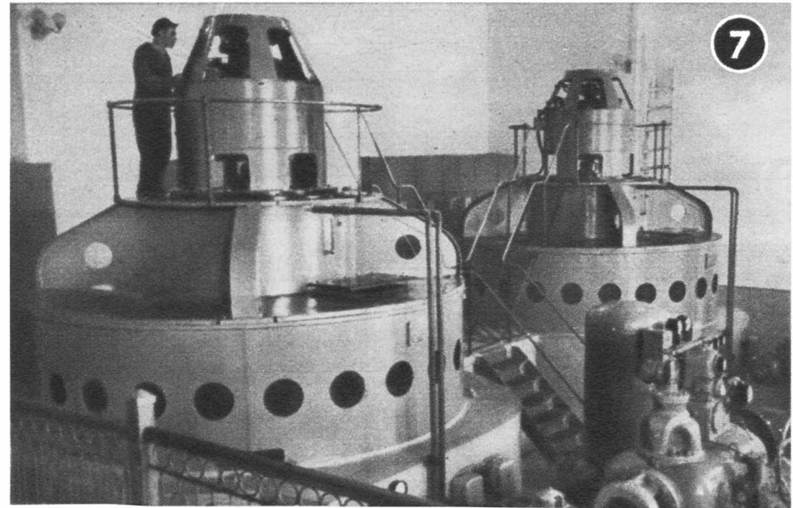

Здание горного техникума в Днепропетровске.

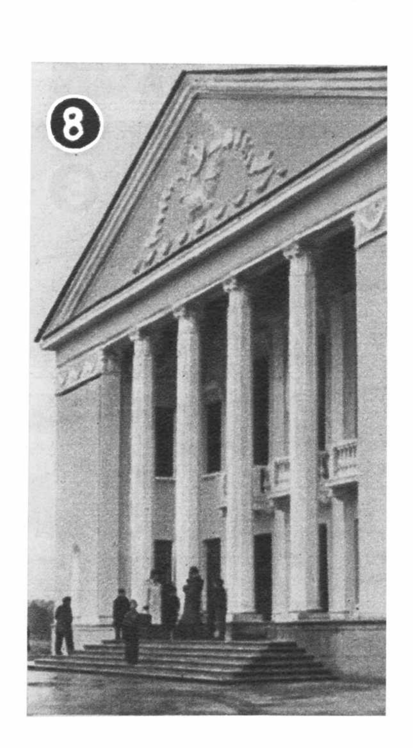

6 Люберцы. Здесь вступает в строй новый и несколько необычный завод — железобетонных изделий. Строители домов получат из его цехов готовые лестничные марши, панели стен, междуэтажные перекрытия. Это будет скоро. А пока идут последние приготовления к пуску, тщательно проверяется уникальное оборудование. Вот автоматическая линия, изготовленная в Москве, на заводе «Красный пролетарий», и смонтированная в Люберцах.

На XIX съезде партии приводилась такая цифра: за годы четвертой пятилетки в СССР было создано и освоено в серийном производстве более 220 новых основных типов машин для механизации труда. Механические руки заменили тысячи человеческих рук! На автоматической линии, о которой идет речь, почти без участия людей будут изготовляться арматурные каркасы железобетонных колонн. Автомат сам правит стальные прутья, отрезает их по заданному размеру, расставляет...

На снимке (справа налево): лауреат Сталинской премии конструктор В. Т. Левшунов, слесарь-сборщик А. Ф. Левов и мастер А. Ф. Худяков проверяют качество арматурного каркаса на автоматической линии.

7 На карте электрификации нашей страны недавно появилась новая точка — село Стеблево, Корсунь-Шевченковского района, Киевской области. Здесь вступила в строй ГЭС, оборудованная новейшей техникой. Рассматриваешь фотографию машинного зала станции на селе и думаешь о силе колхозного строя, преобразившего лик советских деревень.

8 Эстония. Кохтла-Ярве. Еще лет 12 назад в маленьком закоптелом шахтерском поселке усталые горняки грязной, болотистой тропинкой уныло плелись с работы.

Теперь по широким асфальтированным дорогам на собственных автомобилях, мотоциклах, велосипедах шахтеры и рабочие газового завода едут в свой Дом культуры. Он недавно открылся тут. Светлое, украшенное лепкой и колоннами здание — одно из красивейших культурных учреждений Эстонии. Зрительный зал рассчитан на 700—750 мест. Скоро театры Москвы, Ленинграда и Таллина привезут сюда свои лучшие спектакли.

9 Москва — столица мира. Похорошела и помолодела она, хотя к восьмистам годам ее прибавилось еще пять. В черте города появились новые улицы и скверы. Москвичи и их гости любуются величественными дворцами — теми, что высятся на Смоленской площади и Котельнической набережной, и теми, что сооружены под землей,— станциями метро. Много новых машин, механизмов, станков посылает Москва в другие города страны.

Для тебя, Родина, трудятся москвичи. Славная их семья растет день ото дня.

Продолжительными аплодисментами встретили делегаты XIX съезда партии слова Г. М. Маленкова о том, что «за последние три года чистый прирост населения составил 9 миллионов 500 тысяч человек».

Самые маленькие москвичи — мы засняли их в 4-м родильном доме Советского района столицы — продолжают чудесный счет: они в числе тех, кто уже относится ко второй половине десятого миллиона.

Где найти слова, чтобы выразить ликование родителей,— первый ребенок, первая радость материнства и отцовства! Со всех сторон сыплются поздравления родных, друзей по работе. Виновники же торжества пока еще безучастно поглядывают на окружающих, не зная, в какое счастливое время появились они на белом свете и что жить им в обществе, о котором когда-то люди могли только мечтать...

☆ ☆ ☆

«Мы боимся настоящего и еще больше будущего»,— признаются идеологи империалистов. «Время, назад, к эпохе варварства, к временам падения Рима!» — вопят духовные оруженосцы Уолл-стрита. Их страшит настоящее, они в еще большем ужасе перед будущим.

«Время, вперед!» — говорят люди могучего лагеря демократии, социализма, простирающегося ныне от Эльбы до Тихого океана. И во главе этого лагеря народ Страны Советов, труженик и творец, радующийся настоящему и сил своих не жалеющий, чтобы «вырвать радость у грядущих дней».

ВОЗРОЖДЕНИЕ

К. БУКОВСКИЙ

Улица Мира в Сталинграде. В 1947 году Мария Ивановна нашла ее по обгорелой табличке,— других признаков среди развалин не было.

Фото Н. Грановского (ТАСС)

1

Пароход, на который Мария Ивановна Землянская попала с детьми в Саратове, был переполнен такими же, как и она, семейными женщинами, возвращающимися в Сталинград.

Большей частью это были вдовы. Потеряв мужей и не найдя покоя в тех местах, куда их забросила война, они возвращались теперь домой, к своим разрушенным очагам. Город вырастал в тумане смутной серой громадой, пугавшей своей темнотой. Света в городе не было. Только возле заводов и ближе к центру кучились тусклые огоньки. Несколько огоньков светилось на берегу.

На пристани уже слышался шум. Кто-то громко кричал. Оглядев толпу, стоявшую у причала, Мария Ивановна увидела мать.

— Вон наша бабушка, ребята,— прошептала она. И вдруг почувствовала, что ноги нейдут. Мать стояла горестно тихая и искала ее глазами.

На пристани обе они хотели заплакать, но дочь, поведя глазами, напомнила о ребятах. Мать покорно сморкнулась.

Они поднялись по лестнице. Город темнел провалами стен. Мертво зияли пробоины. Выходивший на пристань Дворец пионеров лежал в грудах развалин. От них во влажной сырости воздуха резко тянуло гарью.

2

Ночевать пришлось у соседей в землянке. Мать собиралась строить свою и уже натаскала с Волги досок. Она покупала их на пристанях.

Поселок на Дар-горе был выжжен дотла, и от дома, где жили Землянские, не осталось и стен. На месте поселка торчали теперь хибарки, сколоченные из досок.

Жителей уже было много. Большинство из тех, кого знала Мария Ивановна, вернулись раньше ее. Но многие не уезжали. Так же, как мать, они либо ждали за Волгой либо ютились с бойцами на берегу. Теперь большинство этих людей поселилось в подвалах.

Утром бабка подняла Марию Ивановну.

— Что же спать-то,— сказала она,— давай землянку копать.

Ребята тоже не спали. Их разбудила вода, стекавшая с потолка. На улице шел осенний дождь.

Увидев, что дети проснулись, старуха сказала:

— Ну, тем лучше. Вставайте все, берите лопаты!

Впятером они начали рыть землянку. За неделю вырыли яму, вкопали столбы и обили стены досками. Мать купила еще с десяток тесин на полы. На крышу нужно было железо, но где его взять?.. Пока прикрыли травой.

Стали жить.

— Ничего, ребята! Солдатам хуже было в окопах,— убеждала бабка детей.

— А учиться мы будем, мама? — спрашивал старший сын. Ему уже шел пятнадцатый год, мальчик скучал по школе.

Мать задумывалась над ответом.

— Учиться надо, сынок,— говорила она.— Только где же учиться? Вот книжек бы надо купить. Может, сам занялся бы; Стасик с Ларой еще подождут.

Но и книжки в то время было трудно достать.

Однажды шла она с Волги, несла тесину. У разбитого дома присела. Отдохнула, хотела опять пойти, из дома кто-то окликнул:

— Товарищ Землянская, можно вас на минутку?

Мария Ивановна огляделась. В доме возились люди, слышно было, как роются в кирпичах.

«Еще кто-то вернулся,— решила она.— Устраивается на жилье».

Женский голос опять позвал:

— Поднимайтесь сюда, здесь есть ступеньки.

Мария Ивановна стала искать ступеньки. Кругом лежал камень, кучи битого щебня. Но вход в дом был отрыт. Оттуда показалась рослая женщина, неся в мешке кирпичи.

— Входите сюда,— сказала она.

Освоившись с темнотой, Мария Ивановна увидела группу женщин, сгребавших лопатами щебень.

Потолок был пробит, в нем зияли отверстия, которые сверху кто-то закладывал кирпичами. Оттуда тоже слышались женские голоса. Обратившись к той, с которой она вошла, Мария Ивановна спросила:

— Вы что же, все жить тут хотите?

— Нет, школу открыть.

— В этих развалинах?

— Ну что ж, пока нет ничего другого.

— Да тут щебня полно!

— Вот об этом и речь. Помоги-ка нам. Пригодится для твоих же ребят.

В горле у Марии Ивановны что-то защекотало. Она сдержала слезы и только сказала:

— А кто вы такие?

— Черкасовцы мы.

— Это что значит?

— Ну, женщины, сталинградки, такие же, как ты. По призыву Черкасовой взялись вот восстанавливать Сталинград.

— И много вас? — спросила Мария Ивановна.

— Бери лопату,— узнаешь.

...Спустя две недели класс был расчищен. Работали женщины. Вытаскав щебень, они побелили стены. Для окошка нашлось стекло. Вместо парт набрали ящиков из-под мин; вместо классной доски — фанеру. Портрет товарища Сталина в рамке учительница повесила над столом.

Дома старуха спросила:

— Открыли школу?

— Открыли.

— Ну, вот и ладно: ребят пристроили. И тебе пора на работу. Приходил брат Иван, зовет к себе в поезд.

— Нет,— сказала Мария Ивановна.— Я, мама, знаю, кем буду.

— Ну-ну, кем же?

— Каменщицей... Сталинград буду строить!

3

Первую школу в городе Мария Ивановна начала строить на улице Мира. Это было в 1947 году. Тогда улица называлась еще Саратовской.

Весь центр был разрушен, и Мария Ивановна только шептала, проходя по разбитому Сталинграду: «Проклятые изверги! Что сделали с городом!»

Тяжелый год пришлось пережить ей с ребятами. Зимой, простудившись в землянке, слегла мать. Мария Ивановна свезла ее к брату в вагон. Пришлось пойти на работу в трампарк, поближе к дому. И тут свалилась еще беда — старший сын попал под трамвай, сломал ногу.

Ногу пришлось отрезать. Мать не помнит теперь, как вернулась она из больницы и как вышла потом на пути. А после работы взяла салазки и ушла за пеньками за Волгу: дети мерзли, надо было топить землянку.

Да, год был тяжелый!

Но к весне показался просвет. В Сталинграде начали строить дома. Появилась надежда встать на леса. Сын выписался из больницы и, нагнав свой класс, вышел опять в первые ученики. На душе у Марии Ивановны повеселело.

Дождавшись тепла, пошла она в трест «Жилстрой». Тогда уже был такой в Сталинграде. Ее послали сюда, на стройку школы.

Гасить известь — дело не женское, но пришлось согласиться: не сразу ведь ставят на кладку! Набравшись терпения, Мария Ивановна решила пройти весь «строительный курс».

Всякий раз, когда становилось трудно, она вспоминала землянку и школу в развалленном доме. «Нет, сдаваться нельзя! Город должен подняться из пепла!»

И город вставал. Уже покрывалась лесами улица Ленина. Поднимались дома на Октябрьской. У заводов росли большие поселки.

Улицу, где строилась школа, Землянская нашла по горелой табличке. И сколько таких табличек, прибитых к деревьям, к столбу с окопной колючей проволокой, висело в ту пору среди руин! Улиц не было. Но адрес был. И была любовь к Сталинграду, великая и прекрасная, как сам этот город, встающий из пепла.

Однажды, подняв раствор, Мария Ивановна осталась на лесах. Каменщик Михаил Федотович Серга, мощный и мускулистый полтавчанин, как-то по-своему неспешно-споро выкладывал стенку. Время от времени он постукивал кельмой по кирпичу и говорил:

— Дай-ка растворчику, Мотя. Больно хорош раствор!

И опять уходил в себя, в свою кладку.

Заметив Землянскую рядом с собой, он шутливо спросил:

— Что, девка, смотришь? Метод мой хочешь украсть?

Сейчас Мария Ивановна Землянская строит жилые дома на Советской улице.
Фото С. Курунина

— Я уж не девка, — скупо сказала Мария Ивановна.

— Ну, все равно. Не женский труд.

Помолчав, Мария Ивановна притронулась к его рукаву:

— Дай попробую.

Каменщик разогнул широкую спину, расправил плечи и, посмотрев на нее, протянул кельму:

— Ладно, попробуй. Стань на столбик, испортишь — сломаем.

Он закурил. Не вмешиваясь, подождал, пока она выложит столбик. Потом взял отвес. Сжав губы, Мария Ивановна отступила.

— Нет, девка, свалила стенку. Не выйдет каменщик из тебя.

Мария Ивановна вдруг закричала:

— Выйдет! Назло тебе выйдет!

Бросив кельму, она убежала вниз. Но на следующий день опять встала возле Серги.

— Пришла? — спросил Серга добродушно.

— Пришла.

— Ну, становись. Подбутовывай середину стены.

Марию Ивановну зачислили в бригаду Серги.

4

Хороша весна в Сталинграде!

Давно уж Мария Ивановна не ходила по городу. Вставать приходилось рано. Поднимала ребят, усаживала за книги и, приготовив обед, бежала на работу. Они жили теперь за городом, в своей квартире.

Места работы менялись. После школы на улице Мира она строила школу в Дзержинском районе, потом школу в Ангарском поселке, потом детдом на «Балканах», потом больницу, потом опять школу у себя, на 2-м километре, и, наконец, сейчас — жилые дома на Советской.

С работы она опять бежала домой. Купить на завтра продукты, постирать, починить Станиславу штанишки.

Для прогулок времени не находилось. Но тут вдруг вмешалась весна...

Они с Сергой клали фасад. Третью пятерку вел Лукша, каменщик-белорус. Втроем они уже выводили третий этаж.

Один раз в субботу она задержалась. День шел к закату. Солнце косо било лучами по крышам и тянуло тени до самой реки. Увлеченная кладкой, Мария Ивановна не замечала, что девчата все чаще поглядывают на нее.

— Вы что, девчата, раствор не даете? Давайте раствор! — торопила она.

— Мария Ивановна...

— А?

Она оглянулась. Девчата стояли у нее за спиной.

— Вы что? — спросила она.

— Мы скоро кончим?

— Сейчас вот стенку пройдем... Вы давайте быстрее раствор.

— Нет, вы посмотрите сюда, Мария Ивановна.

Девчата показали в сторону Волги.

— А что там?

— Вы посмотрите!

Удивленно взглянув на них, Землянская подошла к краю стены. С минуту, должно быть, она смотрела на набережную. Потом провела рукой по глазам и сказала протяжно:

— Ой, девчата, как хорошо!

Пораженная тем, что открылось ее глазам, она счастливо улыбнулась и опять стала смотреть на реку.

Широко раскинулась Волга, утопив в разливе весь левый берег. По разливу плыли суда, похожие на белых птиц, красивых, хотя и бескрылых. Так и хотелось, чтобы у них выросли крылья!

От реки, от простора, от того, что все вокруг было залито солнечным светом, в груди у Землянской ширилась радость. Ей стало легко. А тут вдруг закат окрасил разлив в мягкие краски. К чувству простора прибавилась светлая струйка счастья.

На реке загорелись огни, окунулись в воду гроздьями света. И весь город будто поплыл по реке, отразившись в воде огромным и светлым чудом.

Этот город был для нее великой и ясной мечтой. Он рос на ее глазах, поднимая из щебня свои проспекты, свои сады, свои просторные и светлые здания. Этаж за этажом все выше поднималась она сама, простая женщина-сталинградка, женщина-мать.

Горячее чувство любви к этому городу вновь охватило ее. Город-солдат, город-строитель! Город, в котором каждый камень был для нее святым, — вот он, воскрес!

Мария Ивановна обняла девчат. До нее достигали свежесть реки, смех молодежи, нежный запах цветов, шедший от клумб. И город — светлое чудо — лежал перед ней, объятый розовой дымкой.

— Хорошо! — вздохнула она. — Идите, девчата, гулять. И я пройдусь завтра с ребятами по Сталинграду.

...С утра она подняла детей.

— Поедем, ребята, в город, — сказала она.

Ребят оставалось двое. Старший сын — Юрий — учился в Свердловске. Шутил недавно в письме, что и с одной ногой пойдет далеко. Да и эти двое стали большими, вот-вот улетят.

— А куда поедем? — спросил Станислав.

— Сначала к заводам, а там посмотрим. Охота мне посмотреть Сталинград.

...Сойдя с трамвая у Тракторного, мать и дети Землянские окунулись в толпу. Толпа текла навстречу по широким аллеям бульвара, ведущего в новый поселок.

В поселке Мария Ивановна ахнула:

— Да тут целый город вырос!

Несколько улиц с большими жилыми домами, действительно, клали начало большому рабочему городу.

— Как на Дар-горе, — заметил сын.

— Ну нет, — возразила дочь. — Там дома меньше.

Мать заключила:

— Я вижу, нам и дня не хватит на этот поселок. Поедемте лучше в центр.

— А Рынок далеко отсюда? — спросил Станислав.

— Километров пять. А что?

— Плотину бы посмотреть.

— Далеко, сынок! Да и плотины нет еще, только Ахтубу загородили.

— Все равно. Говорят, там тоже город растет.

— Целых два, по обоим берегам.

— Кончу школу — пойду на плотину.

— Ну, об этом рано, сынок. Ты учись. По лесам пока буду лазить я.

Они снова сели в трамвай, направляясь к центру. Проехали обросший жилыми домами «Красный Октябрь». Поровнялись с «Балканами», и мать, показав на дом, сказала:

— Вот этот — мой!

Сын заметил:

— Какой огромный город, мама! Сколько уж едем, и все нет конца.

— Да, город большой. И весь в лесах. Вы посмотрите, какой он стал! Красавец! И на обоих концах великие стройки.

— Он сам — великая стройка, мама.

— Правда твоя, сынок.

Трамвай шел мимо площади Обороны. Площадь — огромный пустырь, за которым слева, от Волги, возвышался остов сожженной мельницы, — теперь застраивалась.

— Вот где были, наверно, бои! — вздохнула мать.

Сын неотрывно смотрел в окно.

У площади Павших борцов они сошли.

Как всегда, площадь хранила торжественное молчание. Ни шум толпы возле универмага, ни голоса ребятишек, читающих надписи на памятниках героям, ни шумный лепет листвы над могильными плитами — ничто не могло нарушить ее тишины.

Услышав нерусскую речь возле могилы, мать и дети остановились.

— Французы, — сказала шопотом дочь.

— Почему ты думаешь?

— Они говорят: «виктуар» — победа...

— Да, — заметила мать, — для них Сталинград — тоже победа. Он вернул им свободу. Пусть помнят об этом... А недавно я видела здесь индийцев.

— И немцы были, мама! — воскликнула дочь.

— Ну, что ж. Им тоже есть за что поклониться нашим могилам.

Дочь вдруг спросила:

— А где тот дом, который ты строишь?

— Вон он, отсюда видно. Над самой Волгой.

— Там целая улица строится!

Над улицей высились краны. Заборы скрывали от глаз нижние этажи, но часть домов уже подводилась под крышу. На заборах было написано: «Здесь будет заложен Дворец труда»; «Товарищи строители, сдадим жилой дом к 7 ноября»; «Честь и слава героям труда! Сегодня бригада каменщицы Землянской уложила две нормы».

Дочь в восхищении сказала:

— Ты героиня, мама!

Мать улыбнулась:

— Ничего не поделаешь, дочка. Город такой.

Они стали над Волгой. По реке опять плыли суда, похожие на белых птиц. За баржами шли плоты на Волго-Дон. Сновали речные трамваи. У пристани толпился народ, ожидая пароход на Саратов.

— Куда теперь, дети? — спросила мать.

— На улицу Мира.

Пройдя снова площадь, они оказались под сенью прекрасных жилых домов. При блеске полдня светились окна этажей. Над улицей в пламени солнца горели слова:

«Миру — мир!»

Прочитав их вслух, Мария Ивановна прижала к себе детей.

— Слышите, дети, что говорит Сталинград.

Над городом мирно шумел праздничный день. Реяли флаги на башнях кранов.

5

И вот прошел еще год. Стремительный год, полный всяческих — больших и малых — событий.

Марию Ивановну теперь трудно было узнать. Она смотрела на жизнь иным, просветленным взором.

Перед ней открылся мир больших устремлений.

Все и всё неудержимо стремилось вперед. От пожарищ к прекрасным и светлым зданиям. От школы в разрушенном доме к какой-то неясной ей, но тоже, должно быть, прекрасной и светлой науке.

Шла и она вперед, не отставала.

Прошлым летом, вскоре после того, как гуляла она с детьми по Сталинграду, строители послали ее на Конференцию сторонников мира. Первый раз в жизни она выступала. Говорила легко. Ей было что и о чем сказать делегатам.

Но главное случилось недавно. Перед XIX съездом партии бригада ее стала на стахановскую вахту. Она сделала много. Надо правду сказать. Стесняться тут нечего. Почти за день укладывала все межквартирные перегородки на этаже. И вот, когда кончилась вахта, секретарь партбюро ей сказал:

— Приготовьтесь, товарищ Землянская, будем вас в партию принимать.

А спустя день пришла телеграмма от сына: «Еду домой Сталинград». Он уже писал ей, что кончил институт с отличием, получил диплом, но хочет стать аспирантом, писать философскую диссертацию.

Счастье свалилось все сразу. Мария Ивановна даже сказала ребятам:

— Ох, ребята, боюсь, не подгуляло бы сердце.

В воскресенье переехали в квартиру в том самом доме на Советской, который она возводила и показывала ребятам. Расставив кровати, стол, новые стулья, развесив почетные грамоты «За самоотверженный труд по восстановлению города-героя» и сложив в угол привезенные сыном книги, она раскрыла двери балкона. Вышла вместе с ребятами.

Город, которого не было семь лет назад, опять встал перед ней весь в огнях. По другую сторону улицы поднимались белые стены дворца.

— Мама, — сказала дочь, — а помнишь, в прошлом году, там был забор и надпись: «Здесь будет заложен Дворец труда». Вот он и есть!

— Да, — ответила мать, — вот он и есть. Народ обещал, народ и построит. Он — строитель.

ПИСЬМО ИЗ ВЕНГРИИ

ДУМЫ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Тамаш АЦЕЛ,
венгерский писатель, лауреат Государственной премии Кошута и лауреат Сталинской премии

В жизни каждой нации имеются всегда какие-то большие события, оставляющие глубокое впечатление в памяти народа. Они живут вечно и оказывают огромное влияние на последующие поколения.

Наш народ считает вехами своей истории крестьянские восстания под водительством Дожи, освободительное движение 1848 года, героическую борьбу в период Венгерской советской республики. Как же не вспоминать о светлых днях свободы?!. Но вот самое яркое, самое глубокое воспоминание, о котором поведает прибывшему издалека гостю любой прохожий на улице Будапешта.

Более семи лет тому назад на нашей венгерской земле перед запуганными и загнанными в сырые подвалы людьми появился первый советский солдат. Среди гула орудийных выстрелов, рокота самолетов раздались звуки веселого, бодрого марша, задумчивых вальсов. Песни были первыми вестниками Советской страны, советских людей.

Наш народ очень ждал этой минуты. Ночь, опустившаяся на нашу родину, была слишком долгой и темной, но народ догадывался, ждал, знал и верил, что должен наступить рассвет, знал, что он увидит светлое небо новой жизни.

В первые же дни освобождения советские люди помогли жителям столицы хлебом, обеспечили детей молоком, вложили свой труд в восстановление города. И теперь, на протяжении всех этих послевоенных лет, они также делятся с нами всем, чем могут. И главное — своим богатейшим опытом, который ведет нашу родину семимильными шагами вперед, к прекрасному будущему.

Никогда не забуду той радости, которую пережил я, прочитав в наших газетах (этот номер газеты я храню и теперь) о прибытии первого состава с советским зерном в помощь голодавшей тогда стране. Нет, это был не просто поезд с зерном: это Советская страна возвращала к жизни наш народ, протянув ему дружескую руку помощи. Она стремилась не только помочь и поднять нас, но и направить на тот путь, по которому теперь такой твердой поступью шагает народная Венгрия.

Сегодня нам трудно представить нашу жизнь без прочной, нерушимой дружбы с Советским Союзом, с советскими людьми.

В том, что мы смогли правильно воспользоваться полученной свободой, главная роль принадлежит нашей партии и любимому вождю нашего народа товарищу Ракоши, нашему трудолюбивому, готовому к борьбе народу. Но творческие силы народа смогли полностью развернуться лишь тогда, когда мы почувствовали, что рядом такой благородный, могущественный друг, который вместе с нами радуется нашим успехам.

Первым был советский боец. За ним последовали другие: писатели и музыканты, ученые и рабочие, агрономы и председатели колхозов. Они с теплым участием останавливались у станков и у мартеновских печей, на краю бесконечных пшеничных полей. Они делились с нами своими знаниями потому, что знали: каждая победа нашего народа — это и их победа. Еще никто и никогда с таким чистым сердцем не помогал и не учил у нас в стране! К нам пришли не люди фразы, а люди цельные, содержательные — люди труда. Они брали инструмент из рук наших рабочих и сами вставали к станку, к машине, чтобы нагляднее передать свои знания.

Они делились опытом? Нет, они сделали больше: они показали, что́ такое международная солидарность трудящихся, что́ такое новая связь между народами. И этим они еще раз доказали, что их страна — это родина прекрасных людей, которых воспитали Ленин и Сталин и сердце которых бьется вместе со всем трудовым народом всего мира.

Ныне наш народ, успешно побеждая все трудности на своем пути, строит социализм. И это также не обходится без постоянной, привычной для нас помощи Советского Союза, советских людей. Я уже и не говорю о той главной, самой необходимой помощи, без которой мы не в состоянии были бы сделать и шага,— о великом опыте борьбы и побед Коммунистической партии Советского Союза — этой неисчерпаемой сокровищницы ленинско-сталинской революционной теории и практики социалистического строительства. Эта помощь — в большом и малом — изменяет нашу жизнь к лучшему, делает наш труд свободным и творческим.

Мне хочется сослаться на мой личный труд, труд литератора. В прошлом до нас, молодых венгерских писателей, лишь изредка доходило дуновение живительной советской литературы. Что читал я тогда из произведений советских писателей? Одно или два произведения Эренбурга, одно или два стихотворения Маяковского, — пожалуй, не больше. Да и то потихоньку, крадучись и прячась. Ведь в то время если кто-нибудь громко произносил слова «Советский Союз», его загоняли в тюрьму, преследовали, а иногда карали смертью. Прекрасное произведение Шолохова «Тихий Дон» доходило до нас отрывками, с большими искажениями. И все же с каким огромным интересом поглощали наши читатели каждую строчку этого произведения, словно это было революционное приветствие из Советской страны!

После освобождения Венгрии Советской Армией наступил этому конец. Венгерские писатели не только познакомились с прекрасными творениями советских писателей, но и завязали с ними тесную, теплую дружбу.

Георгий Леонидзе, Степан Щипачев, Николай Тихонов, Галина Николаева — их посещения были для нас радостью. Поэт Георгий Леонидзе провел у нас один месяц, но в написанных им стихах о Венгрии запечатлена прелесть венгерского пейзажа, любовь венгерского народа к новой жизни, вера в труд, в дело мира. И когда некоторое время спустя мы — группа венгерских писателей — сошли с поезда в Гори, мы обнялись с ним, как старые друзья, как неразлучные товарищи по борьбе. Невозможно описать и рассказать о времени, проведенном нами в Москве — столице нового мира. Здесь мы по-новому поняли многие вопросы и задачи венгерской литературы. Здесь мы учились, как вернее сделать венгерскую литературу прекрасной, глубокой, достойной нашего трудового народа.

Строительство социализма — это не легкая прогулка. Это труд, насыщенный великой борьбой и великими трудностями, но в то же время этот труд как никогда прекрасен и человечен.

Песнь, которая впервые прозвучала для нас в темноте подвалов и бункеров в 1945 году, звучит все громче, все мощнее. Вместе с непобедимым советским народом, вместе с другими братскими народами гимн миру и труду поет и наш народ.

Будапешт,
октябрь 1952 года.

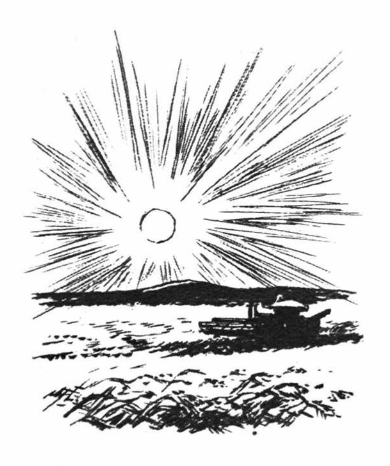
Знатный советский комбайнер Герой Социалистического Труда К. А. Борин среди венгерских крестьян.

Навстречу солнцу

Сергей СМИРНОВ

Рисунки В. Высоцкого

СОЛНЦЕ

Ты рано встаешь
и, умывшись волнами,
Спешишь сквозь туман, чтобы
встретиться с нами,
Вступаешь с границ сухопутных
и водных
В союз нерушимый республик
свободных.

Ты в синюю даль раскрываешь
ворота
Крылатому флагу советского
флота.
И в тесную дружбу
вступают с тобою
Кунгас рыбака и корабль
китобоя.

К тебе устремляется каждая
птица,
И дым очага
от тебя золотится.
И каждый из нас, не терпя
опозданья,
Спешит по делам, как спешат
на свиданье.
И, в каждой росинке тебя
отражая,
Сверкают цветы и поля урожая.
Навстречу тебе всенародное:
— Здравствуй!
Сияй, незакатное,
действуй
и властвуй!

ОТКРЫТИЕ

Первый раз идет в донскую воду
Теплоход, покинувший Москву.
И грузоподъемность теплохода
Предо мной
предстала наяву.

Не числом людей она предстала,
Едущих сегодня на борту,
Не пудами хлеба и металла,
В виде груза взятыми в порту.

Нет!
Грузоподъемность теплохода —
Словно у громады из громад;
Он везет
овации народа,
Полевых букетов аромат.

Он несет легко и неустанно
Смех ребят,
Улыбки матерей,
Тишину Мамаева кургана
И дыханье
созданных морей.

Он идет в полдневном ливне
света.
Плещут флаги радужным огнем...
Все сердца
друзей Страны Советов
Мысленно присутствуют на нем.

Вот министр
перерезает ленту,
И, легко неся почетный груз,
Сквозь «ура» и шквал
аплодисментов
Теплоход заходит в первый шлюз.

А за ним,
Как на незримых тросах,
Движутся, гудя наперебой,
«Грибоедов»,
«Репин»,
«Ломоносов»,
«Глеб Успенский»,
«Новиков-Прибой».

Возникает встречное теченье —
Тихий Дон
врывается сюда.
Словно лифт союзного значенья,
Безотказно действует вода.

Не секрет,
что ей совсем нетрудно
Быть с высокой техникой
на «ты»
И громаду флагманского судна
Поднимать до нужной высоты.

Вот на дно
ушли стальные створы,
Будто бы послушная броня.
Сразу из-под кепки светофора
Вспыхнул круг зеленого огня.

Путь открыт.
И, шумно воду пеня,
Флагман снова скорость
разогнал.
Впереди, как длинные ступени,
Прямо в гору
тянется канал.

И вокруг
людей стена живая,
Лица вдохновенны и светлы.

Дружным свистом воздух
прошивая,
Мчатся реактивные орлы.

Веслами работают мальчонки,
Засучив по локти рукава.
И на самодельной плоскодонке
«Мы за мир!» —
написаны слова.

А над Волгой,
Над путями всеми,
По которым дальше мы идем,
Сталин смотрит
в завтрашнее время,
И летают чайки над вождем.

ДЕВЧОНКА ЕДЕТ НА ЭКЗАМЕН

Стоит вечерняя прохлада.
Вокруг беседует народ.
От Чебоксар до Сталинграда
Идет по Волге теплоход.

Среди зевающих гражданок
Почти у входа в первый класс
Сидит хозяйка чемодана
И полудетских синих глаз.

Под равномерный шум машины
Зубрит грамматику она.
«Как ваше имя?» «Антонина».
«А с кем вы едете?» «Одна».

«А возраст ваш?»
«Пятнадцать скоро,
Семь лет учебы позади».
Она сверкает синим взором
И держит книгу на груди.

«Я,— говорит,— люблю дорогу
И стать геологом должна».
И в башмаках на босу ногу
Собралась в техникум она.

Девчонка едет на экзамен,
Ничуть не боязно одной.
Вослед летит платочек мамин,
И город детства за спиной.

А впереди вода бескрайна,
И сказка волжских берегов,
И люди новые, и тайна
Самостоятельных шагов.

А рядом, вся как на ладони,
Машина дышит тяжело
И отдает озябшей Тоне
Свое машинное тепло.

ПУТЕВОЕ

Идеальная погода,
Даль чиста и широка.
За бортами теплохода
Волга-матушка река.

Дул с низовья ветер чистый.
Вились чайки над рекой.
А студенты-атеисты
Разговор вели такой:

— Если взять деянья бога,
Видно, судя по всему,
Что он действовал убого.
Есть претензии к нему!

Он работал,
а работа
Не годится никуда:
Тут пустыни,
Там болота
Или горная гряда.

Ведь, согласно божьей воле,
Между нами говоря,
Стали горькими от соли
Океаны и моря.

Реки в поисках дороги
Мчатся кубарем с горы,
Налетают на пороги
Или чахнут от жары.

Суховей летит зловеще—
Снова бог не доглядел.
Он создал все эти вещи,
Как заправский бракодел.

Вот какие наблюденья
Делал едущий народ.

Волга,
Всем на загляденье,
Совершила поворот.
Встали скалы, как ворота,
Заслонили полземли.
И тогда промолвил кто-то:
— Перед нами Жигули!

Справа
сварочные вспышки,
К ним дороги пролегли.
Гром металла,
Нефтевышки —
Вот какие Жигули!

Слева
взорванные взгорья,
Степь да марево вдали.
Скоро здесь родится море!
Мы пришли
На Жигули!

Сила моря
хлынет током,
В море выйдут корабли.
И тогда
хозяйским оком
Мы окинем Жигули

И заявим громогласно:
— Бог
Не смог,
А мы смогли!
Это
коротко и ясно
Подтверждают Жигули!

ЩЕДРЫЕ ГОРЫ

Поселок у подножья горы Мус-Таг.

М. МАРИНА

Фото Г. Санько

Вершина Мус-Тага ровная, как стол. Ясно виден ее чистый покров, словно край белоснежной скатерти,— снег на вершине почти никогда не успевает растаять за лето. Скалы у вершины — неприступные крепостные замки. Не тут ли живет Постукай, богатырь из древней легенды?

Несметны богатства Постукая. Хранятся они в обширных кладовых, спрятанных во всех окрестных горах.

Видел богатырь: плохо жили в горах люди. Бежал на лыжах анчи-охотник, за спиной ружье, старая литовка, ноги азогат-травой обернуты, в чирки худые обуты. Рыбак сети в реку заводит, — не ему принадлежат сети. Старая женщина обжигает на огне пучок ячменя — столочь толкан — и плачет: мало ячменя остается, где взять?

Жалко людей,— отдать бы им богатство. Только видел Постукай еще: пушистые шкурки белок и лис у охотника, жирных хариусов у рыбака отбирал бай. Постукай опасался: узнает этот жадный, где кладовые, тоже себе заберет. И еще крепче сдвигал он скалы, еще глубже все прятал.

Однако все на свете когда-нибудь начинается и когда-нибудь кончается. Вот и слышит Постукай в одно утро: поет девушка Ак-Пурба. Большой друг пришел к шорскому народу, верный аргыш — товарищ. Помог прогнать бая. Всегда теперь весел анчи, всегда песни поет: когда на охоту идет, когда сети артельные в реку заводит.

Видит Постукай: бросил шорец дымную юрту, дом хороший построил, окна блестят, дым из трубы.

Вот теперь можно открывать кладовые. Пусть люди добывают здесь все, что им надо. Теперь все пойдет на пользу...

Да, на великую пользу людям идут сокровища горных недр Шории. Велики ее богатства. И месторождения руд лежат близко к центру Кузбасса, к городу Сталинску.

Немало трудов положили советские люди, чтобы разведать, открыть и начать разработку недр в местах, куда не ступала нога человека.

В Законе о пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 годы названа Горная Шория, которая должна была дать Кузбассу свое металлическое сырье, избавить его в основном от дальних перевозок руды с Урала.

Кузнецкий металлургический комбинат имени Сталина теперь уже работает в основном на горношорских рудах.

Горная Шория — самая южная окраина Кузбасса, когда-то глухой и почти никому не известный сибирский край — стала главной железорудной базой кузнецкой черной металлургии.

Кузбассу нужно очень много леса: для строительства, на крепеж, на затяжку, на шпалы. Богат его лесной фонд: 330,5 миллиона кубометров. А из них 250 миллионов кубометров — лес Горной Шории. Под лесным покровом 71 процент всей ее площади.

В таежных чащах живет множество разных пушных зверей: и белка, и лисица, и колонок, и горностай. Попадается выдра. Вместе со здешними прижились завезенные баргузинский соболь и норка. Есть тут и бурый медведь.

Чтобы получше узнать этот далекий и посвоему прекрасный край нашей советской земли, лучше всего побывать в Таштагольском районе, одном из трех районов Кемеровской области, занимаемых Горной Шорией. Туда мы и отправились погожими днями этой осени.

Таштагол в переводе на русский — «рука на камне». Долина Кондомы в этом месте похожа на две сомкнутые ладони — будто человек зачерпнул воды, чтобы напиться. Но донес до рта только чуть-чуть. Кондома здесь не такая, как у Сталинска, где она впадает в Томь. Здесь она узенькая и шустрая.

Поселок живет рудником. Чистая таштагольская руда, не нуждающаяся в обогащении, идет по железной дороге прямо в доменный цех Кузнецкого комбината.

С утра до ночи на улицах людно и весело. Главная улица тянется вдоль реки. Чуть выше домики будто еще придерживаются какого-то порядка, а дальше разбредаются, куда какому вздумалось, но обязательно вокруг дома толпа золотоголовых подсолнухов, а за сараем полоска огорода.

На руднике мы познакомились с Дмитрием

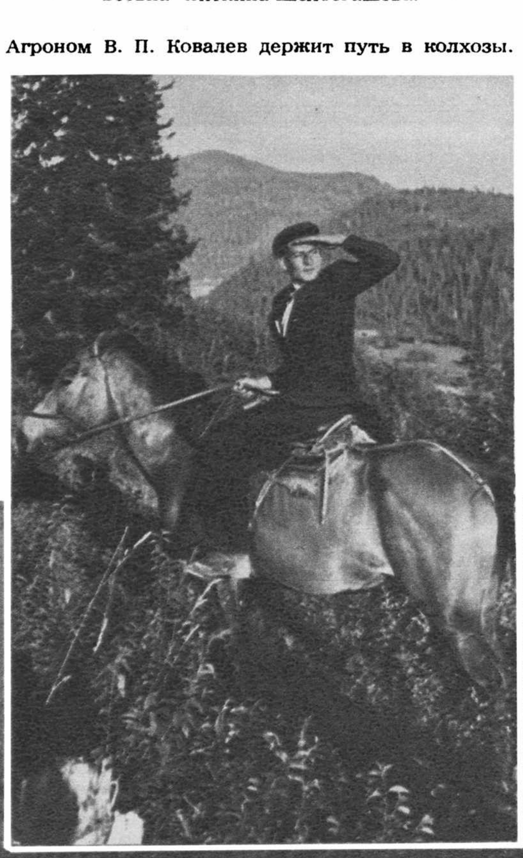
Бригадир бурильщиков Дмитрий Еремеевич Пыжлаков.

Лучший машинист электровоза Аграфена Матвеевна Ниткина-Шелбогашева.

Агроном В. П. Ковалев держит путь в колхозы.

Еремеевичем Пыжлаковым — бригадиром лучшей на шахте бригады бурильщиков.

Дмитрий Еремеевич — коренной житель Горной Шории, уроженец улуса Большой Кочебай, Кузедеевского района. Встретили мы и Аграфену Матвеевну Ниткину-Шелбогашеву — лучшего на руднике машиниста электровоза. Шутя мы спросили ее, как бы повидать девушку Ак-Пурбу, поющую утреннюю песню на реке. Аграфена Матвеевна засмеялась. Читала она книгу, где есть все десять песен Ак-Пурбы, что значит Белая Верба.

С шорским писателем Федором Степановичем Чиспияковым мы разговаривали в тот же день в таштагольском клубе. Он директор средней школы в Чугунаше, приехал сюда по школьным делам. Это о его книге «В долинах Мрас-Су» говорила нам Аграфена Матвеевна. Многие песни Чиспиякова поют в шорских улусах. Сын шорца-охотника, выросший в улусе Косой Порог, он ярко передал в своих песнях, стихах и рассказах новую жизнь шорского народа и трагедию его прошлого.

* * *

...Мы в самом центре Горной Шории. Поселок Усть-Кабырза большой, расположен на ровной долине двуречья. Здесь голубая Кабырза впадает в желтоватую Мрас-Су.

На левом берегу живут рабочие леспромхоза, на правом — колхозники. Живут зажиточно.

Вокруг большой двухэтажной школы молодой сад. О том, каким был этот поселок раньше, рассказала нам учительница Нина Павловна Кыдымова.

До Октябрьской революции среди шорцев грамотных не было совсем. Здесь, в этих местах, Кыдымова живет с 1923 года. Трудно было работать в те годы. Занятия начинались с января, когда устанавливался санный путь. Осенью учить было некого: мало в горах расчищенной земли, посевы далеко в тайге, и на время полевых работ уходили из поселка все — и взрослые и дети. В марте — апреле ученики шли «бурундуковать» — охотиться на бурундуков,— опять им было не до школы. Здесь тогда чернел лес и стояли четырнадцать домиков.

Теперь по-другому живут шорцы. Нормально учатся дети. Нина Павловна за долголетнюю плодотворную деятельность награждена орденом Ленина.

Над рекою стоит Дом культуры. Есть в Усть-Кабырзе больница, детские ясли, детский сад, библиотека. Главные ее посетители — школьники.

Ребятишки в горных поселках вежливые и приветливые. Они здороваются при встречах на улице, охотно вступают в разговор. Шестиклассники Володя, Игорь и Толя давно прочитали и «Молодую гвардию», и «Как закалялась сталь», и «Педагогическую поэму», и «Мои университеты», и все, что написал Гайдар. Все трое хорошо учатся.

Они вызвались показать нам «самое интересное» место в окрестностях Кабырзы. К общему огорчению, выяснилось, что до него, то есть до вершины Кара-Тага, нам дойти не удастся: туда в один конец восемь километров, а небо уже начинало розоветь перед закатом. Решили взобраться на Ребровую сопку. Тропа шла по вершине, действительно узкой, как ребро.

С каждой полсотней шагов подъема все шире, все краше открывалась земля, еще почти не тронутая человеком, простирались неизмеримые дали, и становилось понятно, почему здесь создавались легенды о щедрых горах.

На ребре горы, на тропе, нам встретился всадник. Встретив человека в горах, нельзя с ним разминуться просто так. Обязательно надо поздороваться, поговорить, спросить, кто, откуда, зачем здесь, куда держит путь. Всадник, Виктор Петрович Ковалев, держал путь из Таштагола в колхозы Усть-Кабырзинского сельсовета. Он первый год исполняет обязанности главного агронома района. Трудно в горах с механизацией, далеко не везде можно пройти на тракторе. МТС Кузедеевского района обслуживает их, но она так далеко! Надо организовать свою МТС.

Вверх и вниз по Мрас-Су располагаются поселки рабочих леспромхоза. Сообщение с ними летом — на лодках и горными тропами: верхом или «пешью».

Не так уж просто плыть по такой реке даже вниз, когда лодку несет течением. Тут гляди, не зевай, не засядь на гальку, не разбейся о подводную скалу на перекате. Вверх лодку тащит лошадь на стальном тросе. Длина троса позволяет коногону маневрировать. По мелкому месту лошадь идет в воде. Где отлогий берег, она взбирается на него и бежит, пригибая тросом прибрежные травы и кусты. В местах, где глубоко, а берега отвесны, ее разнуздывают, чтобы она могла плыть. Этим способом поднимались по Мрас-Су и мы.

Караван наш выглядел так: впереди коногон Паша Двадцатов на кобыле Дудке. За нею на длинном тросе первая лодка с лодочниками. К ее корме привязана наша лодка. С нами идут Фотей Осокин и Яков Богачев. Это луч-

Лошадь тянет лодку вверх по реке на стальном тросе.

Берега соединены канатным мостом.

шие лесорубы. На корме молоденькая фельдшерица. Тут на каждом лесоучастке есть медпункт. Всю дорогу она старательно оберегает от воды черную сумку с медикаментами.

Ритмично и гулко, как по пустынной мостовой, цокают копыта Дудки. Журчит, обтекая борт, вода. Долина глубокая, с обеих сторон горы. Спокойно встречают и провожают нас высокие кедры, островерхие пихты, кудрявые березы. Тишина стоит первозданная. На перекатах все вдруг меняется. Фотей и Яков изо всех сил нажимают на шесты, помогая лодке преодолеть яростный напор водяных валов. Фотей зычно кричит коногону: «Гони! Гони! Левей! Соображай!» Белые буруны кипят вокруг лодки и норовят залить ее. Уж тут и нам надо «соображать» — наклонять борт лодки то вправо, то влево. Но вот опять все стихает. Лодка идет по гладкому зеркалу фисташковой воды.

Под вечер воздух становится слоистым — то теплым, то прохладным. Веет ароматами лесных трав и цветов. Вот показался табун лошадей. В вечерних лучах они совсем бронзовые.

Ночевали в поселке Карасук. Здесь нас угостили кислицей с медом и хлебом. Кислица похожа на красную смородину, приносят ее из тайги ведрами.

Утром снова в путь. Река и сопки все в серо-белой мгле. Солнце никак не выберется из тумана. Странно видеть солнце тусклым кружочком, вырезанным из пергамента.

По дороге заезжаем на пасеку колхоза «Путь к коммунизму». Идет осенняя ревизия ульев. Запись ведется на продолговатой фанерке с клеточками: сколько рам в улье, когда родилась матка, каков расплод, сколько улочек в улье, сколько из него выбрано меду, каково его качество. Заведует пасекой Алексей Кушаков — старожил этих мест. Другой Кушаков, Петр, занят перетопкой воска. Конечно, это не пчеловодство Кузедеевского района, где пасеки рядом с «чудом природы» — единственной в Сибири громадной липовой рощей. Но и эта пасека в хорошее, погожее лето дает своему колхозу четыре тонны меду.

Когда солнце победило туман, воздух весь запел, зазвенел, замелькали вокруг пчелы. Они летели собирать последнюю дань с осенних цветов.

Вот слева небольшой лог, устье быстрой речки и около него красивый, новый домик с трубой. Это Черная речка, и дом этот построил себе колхозник-охотник Захар Кушаков. Он не родственник тем Кушаковым, на пасеке. Просто у шорцев столько же Кушаковых, сколько в иной русской деревне, скажем, Степановых или Авдотьиных.

Рядом стоит черная, закопченная, старая изба Захара. В новом доме светло и душисто: он покрыт берестой. Береста белая, с изнанки золотая, снятая с исполинских берез, — каждый кусок не меньше листа ватмана. Захар мастер на все руки: в свободное время он делает березовые туеса, рыбачит. Главное его занятие — охота. Ему семьдесят девять лет, но на вид лет пятьдесят, и убил он на своем веку больше полусотни медведей. Каждый год на большую сумму сдает он в государственный заготовительный пункт много пушистых беличьих шкурок. Отцу Захара сто двадцать пять лет. Нам не повезло: не видели его. Ушел старик на далекое поле посмотреть, не пора ли копать картошку.

Чем выше поднимаемся мы по Мрас-Су, тем выше горы вокруг, тем норовистей река, тем труднее протаскивать лодку по каменистым перекатам. То и дело днище ее зловеще скрежещет по камням.

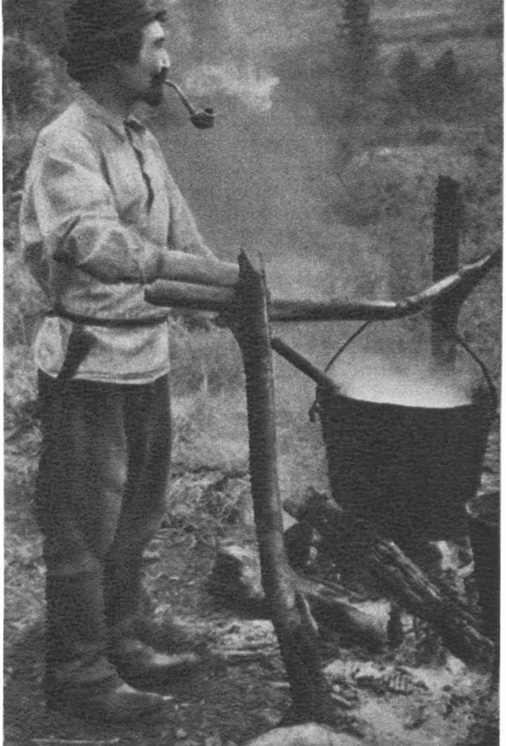
К вечеру второго дня пути мы в большом поселке Кизасе. Тут живут наши лодочники. На берегу людно. По реке сверху плывут салики — маленькие плоты — со стогами сена. Берега соединены канатным мостом.

Хорошо тут люди живут. Дома крепкие, высокие. Мы, впрочем, нигде и не видали в этом краю завалюх и хибарок.

...Мы прощаемся с Таштаголом. Вон светлое здание школы на высокой горе, вон Дом культуры, с которого уже снимают леса, вон белый больничный городок, вон, как зеленый бильярдный стол, поле стадиона. Здесь, как и везде, любят футбол; горняки азартны и в работе и в спорте.

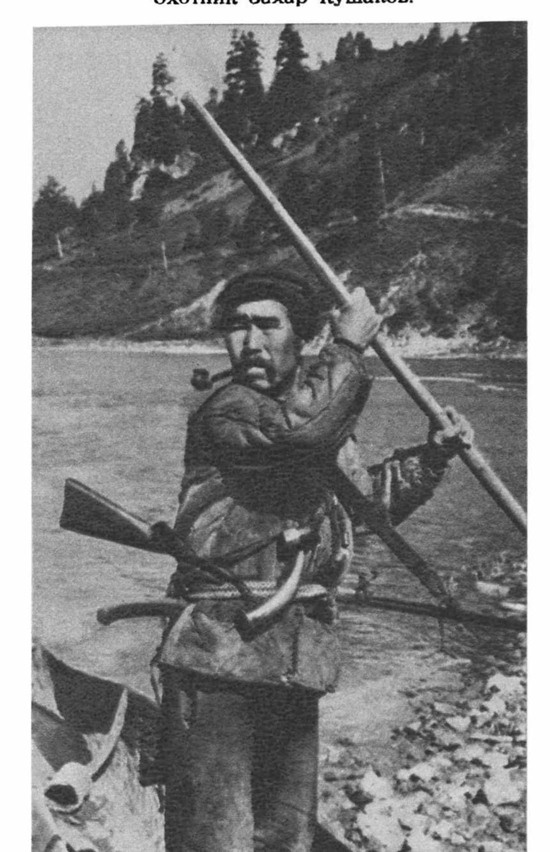
Вон группа новых двухэтажных домов, поставленных перпендикулярно к улице. Они будто шагают в гору по огромным ступеням.

Все в этом краю идет в гору, много еще может дать человеку его щедрая и прекрасная природа, еще непочатый край добра в кладовых Постукая.

Пасечник Петр Кушаков.

Охотник Захар Кушаков.

СЛОВО ПРОСТ

35 лет тому назад залп крейсера «Аврора» возвестил победу Великого Октября. В душе французских рабочих он отозвался, как гром исторического возмездия за героев и мучеников Парижской Коммуны. Солнце социализма поднялось в России. Оно засияло для трудящихся и угнетенных всего мира.

Буржуазия Франции, Англии, Америки встретила рожденную Октябрем диктатуру рабочего класса взрывом бешенства, ненависти, клеветы. Но эта ложь, эти провокации не смогли поколебать восторженное, пламенное сочувствие рабочих Франции к первой социалистической революции. «Даже самые отсталые из них,— говорит Торез в своей книге «Сын народа»,— понимали, что в России строится ИХ республика, что дело, за которое так доблестно борются и умирают русские рабочие,— ИХ дело, общее дело трудящихся всех стран. И над неприятельскими окопами, над опустошенными, сожженными городами, над областями, разгромленными артиллерией и превращенными в пустыни, где еще живы были только те, кому смерть дала временную отсрочку, неся великий призыв Маркса, подхваченный русской революцией: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Ставленник французской буржуазии Клемансо послал против молодой Советской России сто тысяч солдат и средиземноморскую эскадру. Четыре раза прозвучал тогда во французском парламенте громкий голос Марселя Кашена, заявлявшего, что «французский народ никогда не присоединится к этой политике». Эти слова, выражающие волю народных масс, были подтверждены самим французским народом. Солидарность с русской революцией выражали металлисты Парижа. Докеры Дюнкерка отказались грузить оружие для французской дивизии, посланной на поддержку белопольских интервентов под командованием генерала Вейгана, рядом с которым находился де Голль; французские солдаты восстали в Бессарабии, французские моряки — в Одессе. Они отказывались воевать против советского народа, героически отстаивающего свою свободу...

Исси-ле-Мулино — большой рабочий пригород Парижа... Помещение местного профсоюза металлистов, расположившегося у самого входа в завод. Мы знакомимся с Жоржем Маршэ, крепко сложенным, средних лет рабочим с умным и приветливым лицом. Он секретарь местного объединения Всеобщей конфедерации труда. Мы задаем ему наш вопрос: «Какие мысли вызывает у вас славное 35-летие Великой Октябрьской социалистической революции?»

Он отвечает, не задумываясь, с искренней улыбкой и глубокой убежденностью:

— Мы здесь каждый день деремся за наши повседневные требования, за хлеб для наших детей. Но мы не забываем, что главное — мир. Не будь Советского Союза, который стоит, как скала, тридцать пять лет,— разве могли бы мы быть уверенными, что удержим мир и заставим отступить тех, кто снова ведет дело к войне? Каждый рабочий у нас понимает, что Советский Союз — это залог безопасности Франции. Спросите у любого металлиста на нашем заводе, он скажет: с советским народом мы воевать не станем, это значило бы бить по самим себе!..

Эмиль Грейон, сорокалетний наладчик с завода «Жевелот», отвечает на наш вопрос так:

— Для меня ясно одно, и с этого меня не собьешь: в России рабочие держат власть! У нас на заводе тысяча человек, и я думаю, что ни наше радио, ни наши газеты не разубедят их, что в этом главное... Кстати, в Советском Союзе восстановил здоровье наш Торез — скоро опять он будет среди нас. Большое спасибо за это советскому народу...

Молодой рабочий, прислушивавшийся к тому, что говорили другие, скромно вступает в разговор. Его имя Ги Пусси, ему не более 18 лет.

— Советский Союз я представляю себе так: всегда имеешь работу, учишься на мастера или на инженера. Всегда уверен в будущем. Никто не погонит тебя проливать за других кровь где-нибудь в Корее или Вьетнаме. Вот что такое Советский Союз. Счастливые люди — советские комсомольцы! И советская молодежь вообще!

* * *

Аржантей — один из самых больших городов департамента Сена и Уаза. Мы беседуем с группой домохозяек. Жительница Аржантейя, сорокалетняя Жюльетта Виньи, живо откликается на наш вопрос. У нее с Советским Союзом связано много мыслей и чувств.

— Во время войны я была в гитлеровском лагере. По вечерам мы, француженки, измученные работой, больные, повторяли хором: Ленинград, Сталинград, Москва! И так громко билось у меня сердце: я верила в советский народ. Если бы не эта вера, я бы не выбралась живой. А теперь, что остается мне делать до конца жизни? Помогать, чем могу, бороться за мир, как делают это русские. Привет советским людям к тридцатипятилетию! И прежде всего привет Сталину, благодарность ему за то, что он отстаивает мир!

Окружающие нас женщины аплодируют и тепло жмут руки Жюльетте Виньи...

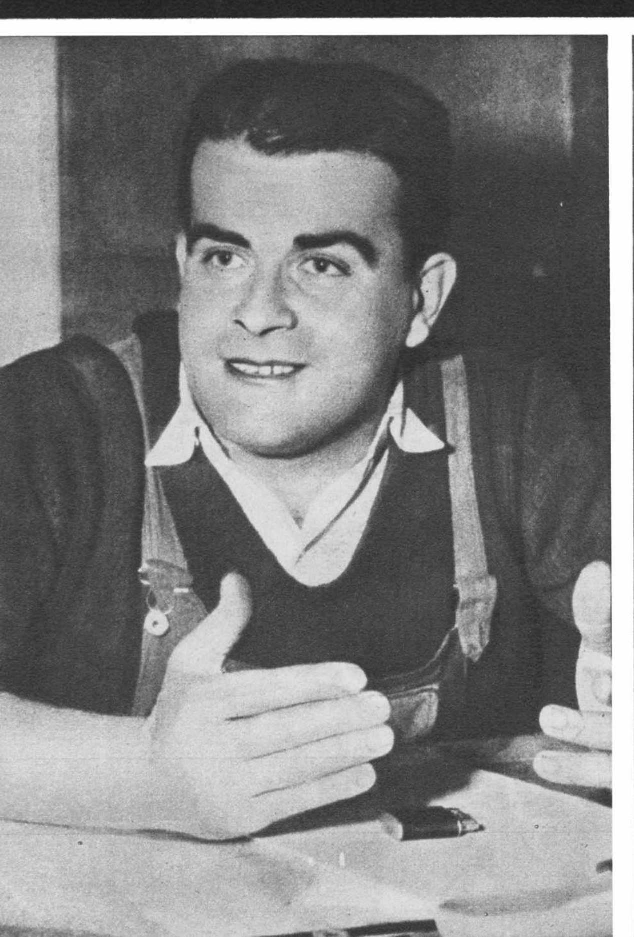
По пути в мэрию мы задаем наш вопрос молодому солдату Анри Престо, он приехал сюда в отпуск.

— Вот что я отвечу вам. Как жаль, что я солдат не свободной Франции, еще не избавленной от капиталистов, как избавилась от них Россия! Дух Советской Армии совсем иной, чем нашей. Советская Армия знает, что защищает: родину, прогресс, свободу для своего народа, свободу для всех народов. Она охраняет и наше будущее.

В мэрии мы разговорились со служащим по имени Кэдевилль. Он только что вернулся из Индокитая.

— В 1946 году я пошел воевать в Индокитай. Я был тогда настроен резко против прогрессивных идей. А вернулся другим человеком: я вступил в коммунистическую партию.

ЖОРЖ МАРШЭ: «С советским народом мы воевать не станем, это значило бы бить по самим себе!»

Доктор ФРАНСИС ЛАЗАР: «В СССР здоровье народа — предмет первейшей заботы правительства».

АНРИ ПРЕСТО: «Советская Армия охраняет и наше будущее».

ОГО ЧЕЛОВЕКА

Победа социализма в Советском Союзе изменила ход истории. Миллионы французов хранят в своем сердце великую признательность героям Сталинграда, которые вызволили французский народ из кровавой гитлеровской кабалы. Ныне по стопам гитлеровцев идет американский империализм. При преступном соучастии реакционной французской буржуазии, продавшей национальную независимость, американские империалисты ищут во Франции пушечное мясо для новой антисоветской войны. Но французский народ остается верным своей благородной традиции: как священная клятва, живут в сердце каждого честного француза слова Мориса Тореза: «Народ Франции не будет, никогда не будет воевать против Советского Союза».

☆ ☆ ☆

«Какие мысли вызывает у вас славная тридцать пятая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции?»

С этим вопросом мы обратились к нескольким французам различных социальных слоев и профессий: рабочим, крестьянам, врачу, домашним хозяйкам. Наши собеседники, которым этот вопрос был задан в непринужденной, повседневной обстановке, высказали то, что действительно лежит у них на сердце. Они говорили с искренним восхищением о великих достижениях социализма в Советском Союзе. Они подчеркивали огромное историческое значение XIX съезда Коммунистической партии Советского Союза не только для советского народа, но и для народов всего земного шара. Все они говорили тепло, просто и трогательно о Сталине, великом учителе трудящихся всех стран, о Сталине, который для всякого простого француза является символом мира, прогресса и счастья человечества.

ЖАН КУЭН,
ответственный секретарь «Юманите».

Я прочитал книги Ленина и Сталина по национальному и колониальному вопросу и твердо убедился: Советский Союз — это сила, которая помогает всем народам добиваться свободы и независимости. После моего личного опыта с несправедливой войной в Индокитае как мне не уважать Советский Союз? Вы спрашиваете, какие мысли у меня в связи с тридцатипятилетием советской власти? Мысль одна: да здравствует СССР — надежда всех народов мира!..

Доктор Франсис Лазар — главный хирург местной больницы. Он вспоминает, как ему довелось показывать больницу советским медикам, приезжавшим в ноябре прошлого года во Францию на международный хирургический съезд:

— Я расспрашивал их о советской медицине. Я убедился из этой беседы, равно как и из отчета делегации наших врачей, ездивших в СССР, что в этой стране здоровье народа — предмет первейшей заботы правительства, которое не жалеет для этого усилий и средств. Вот та главная мысль, которая у меня возникает, когда я думаю о тридцатипятилетии Советского Союза...

Последний наш визит в Аржантейе — на крупный завод «САГЭМ».

Двух рабочих, только что кончивших смену, мы застаем за оживленной беседой.

— Живу с двумя малышами в холодной лачуге. Много ли мне радости возвращаться домой с завода?

— А я в прошлом месяце хотел было купить кое-что необходимое, да нельзя: долги, вся семья в долгах.

Мы извиняемся и просим обоих сказать, что они думают о 35-летии Советского Союза. Перебивая и поправляя друг друга, они тут же «вырабатывают» следующую декларацию:

«К 35-летию мы, французские рабочие, от глубины сердца желаем советским людям жить еще счастливее и еще богаче. Мало того, что мы восхищаемся ими — мы их считаем своими учителями. Они нам показывают путь. И мы обещаем им: постараемся последовать их примеру!»

☆ ☆ ☆

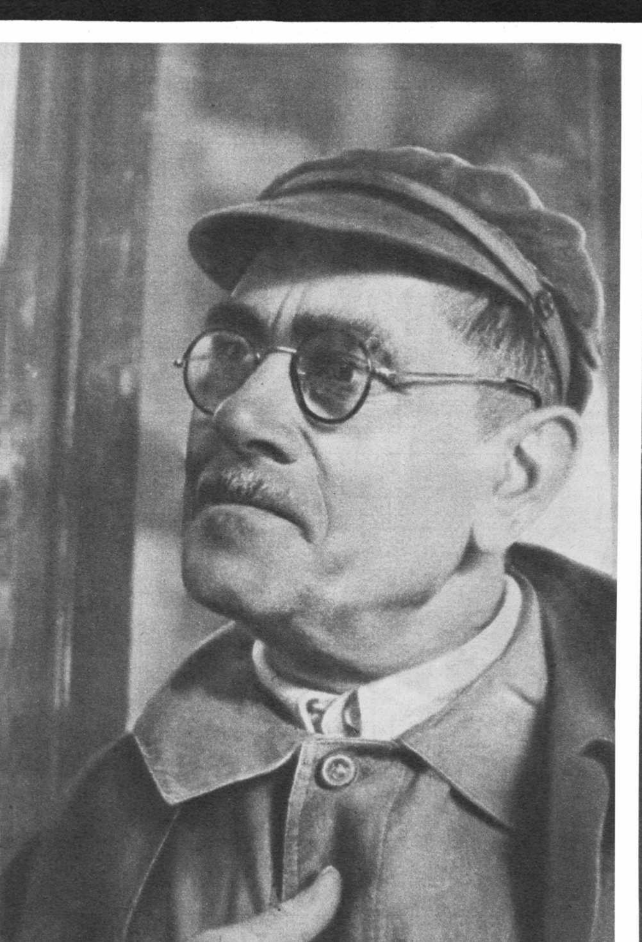
Вокруг нас поля и луга департамента Сена и Уаза. Ранняя осень еще не позолотила листья деревьев. Прекрасные пейзажи! В этом с нами согласен Огюст Лерабль, 55-летний крестьянин, председатель небольшого кооператива и мэр деревни Сэн-Жермэн-лез Арпажон. Он выслушивает нас внимательно и отвечает:

— Вот уж тридцать лет я работаю на земле, старость подступает все ближе — и, право, невеселые мысли приходят в голову. Стоит ли разводить дальше брюссельскую капусту или корнишоны? Там, в Советском Союзе, в колхозах — я много читал и каждый день читаю о них — все идет большим, налаженным хозяйством. Там все ясно: и что будет через год и что будет через два. И с каждым годом все становится лучше. Нам говорят: самостоятельные земледельцы, каждый на своей земле. Но это пустая мечта, а на деле постоянно зависишь от скупщика, от рынка, от налогов. Поедемте в поле, там вы поговорите с крестьянами, они вам скажут то же самое!

В поле мы знакомимся с месье Бурдоном, крестьянином из деревни Линас, старым огородником. Прямой и крепкий, несмотря на годы, он стоит возле своей лошади и выговаривает каждое слово медленно и веско, словно выдает его вам под расписку.

— Тридцать пять лет Советского Союза? Поздравляю от души русских крестьян... Вот я работаю, кажется, немало — четырнадцать часов в сутки. Только одно воскресенье отдыхал за весь год, а толк невелик. Нам все обещают: моторы, машины. А кому служат машины, когда они появляются у нас в деревне? Они служат — как это называют в России?..— кулакам! Вот кому они служат у нас. А простому крестьянину разве купить теперь молотилку или сноповязалку? В России, если надо

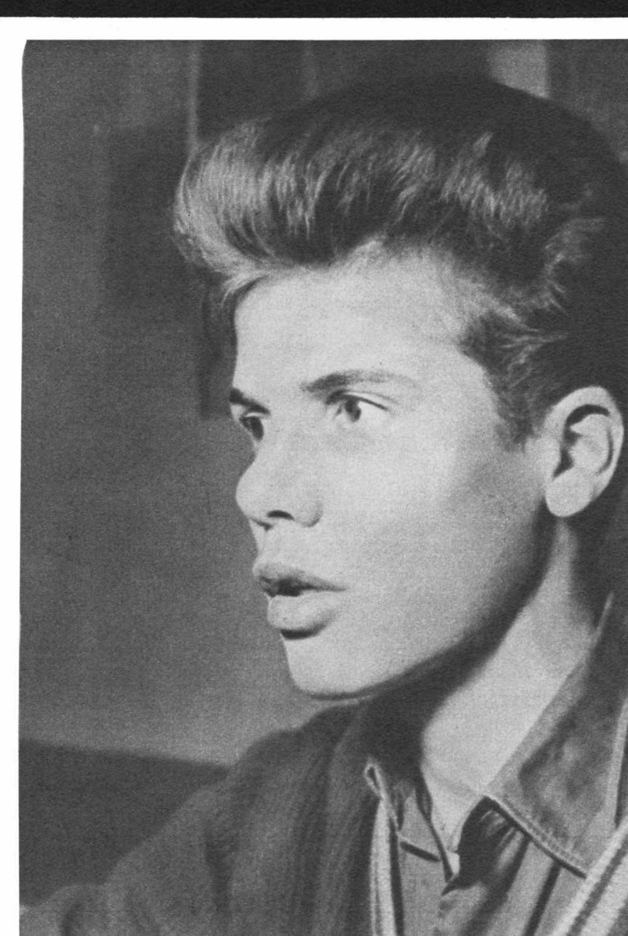
РАБОЧИЙ ЗАВОДА «САГЭМ»: «От глубины сердца желаем советским людям жить еще счастливее, еще богаче!»

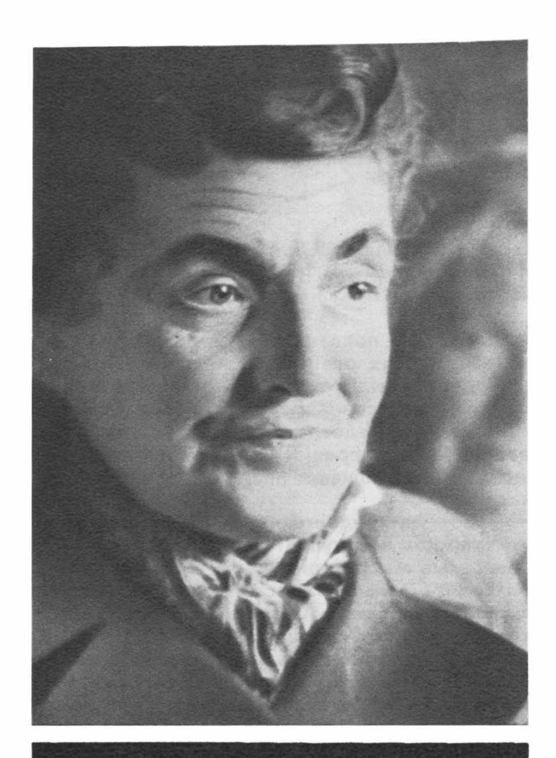

АНТОНИ КАРР: «Думаю о Советском Союзе, и крепнет уверенность, что доживу до народно-демократической Франции».

ГИ ПУССИ: «Счастливые люди — советские комсомольцы!»

ЖЮЛЬЕТТА ВИНЬИ: «Спасибо Сталину за то, что он отстаивает мир!»

десять тракторов, ставят десять тракторов — машина работает на благо всем. А здесь мелкого крестьянина душит богач.

Бурдон помолчал и еще раз повторил свое поздравление советским колхозникам.

Огородница Одилия Биар из деревни Вильде-Буа встретилась нам по дороге. Она выслушала нас и сказала:

— Может быть, вы будете смеяться, но когда вы говорите о Советском Союзе, мне приходит в голову... курорт в Ницце, где я, правда, никогда не бывала. Один наш односельчанин, ездивший в Советский Союз, рассказывал, что советские крестьяне берут зимой отпуск, едут на берег Черного моря и живут там во дворцах! Как же советскому крестьянину не любить Ленина и Сталина! И мы, небогатые французские крестьяне, тоже любим о них думать и о Советском Союзе!

Все это Одилия Биар сказала, не переводя дыхания. Помахав нам рукой, она отправилась в путь, успев еще сказать, что очень беспокоится, не придется ли сбывать овощи за бесценок...

С Антони Карром случай свел нас в небольшом кафе. Ему 60 лет. Он старый участник революционного движения. Когда мы попросили его высказаться о тридцатипятилетии Октября, он задумался, потом сказал взволнованным голосом:

— Я полюбил Советский Союз с той минуты, как он возник на развалинах русского царизма. Еще больше я полюбил его в последнюю войну: ведь русским я обязан тем, что остался жив. Я люблю Сталина, потому что он для меня воплощение той цели, за которую я боролся столько лет, боролся, не теряя надежды. Когда я думаю теперь о Советском Союзе, у меня крепнет уверенность, что я еще доживу до народно-демократической Франции...

Последним нашим собеседником был француз Фернан Диэ из Шамбери. Мы не успели спросить, каков род его занятий. Он сказал:

— Позвольте мне сделать одно сравнение. Представьте себе, что партии, которые у нас поддерживают правительство Пинэ, собрали каждая свой конгресс. О чем шла бы у них речь? Об увеличении налогов, чтобы еще больше увеличить военные расходы; о новом повышении цен; о новых уступках американцам. А вот другой конгресс — XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, о котором я читал в газетах. Для чего он собрался? Что он решал? Новый подъем промышленности; новый подъем сельского хозяйства; новые снижения цен; новое улучшение жизни простого человека. Что я хочу сказать своим сравнением, вам, надеюсь, ясно. Я искренне поздравляю Советский Союз с тридцатипятилетним его юбилеем!

* * *

Простые слова простых французов. С какой ясностью и силой выражают они те чувства, которые питает народ Франции к Советскому Союзу, к великому Сталину!

ОТ КОРЕЙСКИХ ДРУЗЕЙ

«Уважаемый товарищ председатель! Встречая годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции, мы шлем Вам и в Вашем лице — братским народам Карело-Финской ССР свои горячие поздравления».

Эти слова написаны на малиновом шелковом полотне, присланном Петрозаводскому городскому Совету депутатов трудящихся от жителей уезда Самсу провинции Южный Хамгён Корейской Народно-Демократической Республики. Вместе с письмом трудящиеся Петрозаводска получили подарок — шелковое лиловое знамя с изображением героических корейских воинов, идущих в бой против американских интервентов.

В своем дружественном послании жители уезда Самсу желают карело-финскому народу успехов в борьбе за коммунизм, за счастье людей. «Мы обязуемся, — говорится в письме, — еще больше крепить дружбу с великим советским народом, борющимся за мир во всем мире под знаменем Ленина, под руководством товарища Сталина. Мы клянемся, что не сложим оружия до тех пор, пока не добьемся окончательной победы в отечественной освободительной войне против американо-английских интервентов».

Фото Н. Клишко

Месье БУРДОН: «В России, если надо десять тракторов, ставят десять тракторов — машина работает на благо всем. А здесь мелкого крестьянина душит богач».

ОГЮСТ ЛЕРАБЛЬ: «В Советском Союзе все ясно: и что будет через год и что будет через два. И с каждым годом все лучше».

В. ТЕНДРЯКОВ

После одного из заседаний на съезде Коммунистической партии Украины делегатам показали два кинофильма — о Волго-Доне и о колхозе имени Буденного. Вместе со всеми просмотрел фильм о своем колхозе и председатель Макар Анисимович Посмитный.

Съемка шла этим летом. Кинооператоры, помнится, всем были недовольны: и солнышком, что не так светит, и ветрами, что плохо волнуют пшеницу, и жеребцом Интервалом, который, вместо того чтобы плавно выступать, упрямо поворачивался хвостом к аппаратуре. Время стояло горячее — начало уборки,— и, что скрывать, кинооператоры мешали работать, отрывали народ... Но теперь им можно простить и их придирки и их назойливость: шутка ли, в Киеве, на съезде, куда собрались лучшие люди со всей Украины, вместе с фильмом о великой стройке был показан фильм и об их колхозе!..

Макар Анисимович сразу же послал в колхоз киноленту и строгий наказ: посмотреть всем до единого.

...В колхоз я попал как раз в то время, когда этот фильм уже просмотрели в Доме культуры и сейчас показывали по бригадам.

Погас свет, вспыхнул экран, и вдруг во всю его ширину заволновалась пшеница, густая и тяжелая... Заволновались и зрители — сначала поднялся общий радостный вздох, потом прошумел удивленный шопот: «На-ш-ш-а-а...» В полутьме я заметил, как у сидевшего рядом со мной бригадира Павла Ведуты пальцы рук, лежавших на коленях, напряженно зашевелились, словно сейчас бригадир перебирал ими колосья... Когда в этих местах снимали такие урожаи? В среднем больше 28 центнеров с гектара!

На экране прошли комбайны, два жеребца вынесли из дверей конюшни повиснувшего на поводьях конюха, откормленные коровы нехотя поворачивали свои головы к зрителям, вокруг них ходили в чистых халатах скотницы, гости из Китая подошли к стоящей стеной кукурузе, переглянулись между собой, заулыбались: «Вот так кукуруза — заблудиться можно!» Высокий мужчина в шляпе, председатель Макар Анисимович Посмитный, широким шагом меряет поля. Появляется человек, он снимает кепку, утирает потный лоб, чему-то весело смеется. В первую секунду он поражает меня тем, что кажется мне очень и очень знакомым, но уже в следующее мгновение я соображаю: ведь это не кто иной, как сидящий со мной рядом бригадир Павел Ведута. Я мельком оглядываюсь на него. Он смотрит на самого себя и виновато улыбается, словно смущаясь тем, что другой Ведута, его двойник, держит себя слишком свободно: на него все глядят, а он смеется, никого не хочет замечать...

Скотные дворы сменялись полями, поля — колхозным Домом культуры; звучала широкая, как эти хлебные моря, музыка. На экране повторялась та жизнь, в которой и я, заезжий человек, каким-то образом принимаю сейчас участие.

* * *

Уезжать из бригады пришлось поздно ночью. Председатель колхозной ревизионной комиссии Иван Зарицкий подогнал свою машину. В колхозе имени Буденного было несколько легковых машин, имелись и блестящие, «с иголочки» новенькие «Победы». Но если послушать Ивана Зарицкого, самая лучшая машина — его, только трудно понять, какой она марки.

— Мотор работает, как у самолета. Уж будьте покойны, — объяснял мне Зарицкий, когда рассаживались по местам.

И действительно, работающий мотор, по крайней мере по шуму, очень мало уступал авиационному. Он моментально разогнал ночную тишину.

По дороге мы разговорились. Иван Осипович — вовсе не старый человек — был одним из старых колхозников, член еще первого здесь товарищеского общества по обработке земли.

Раньше вокруг села Гладкого, где сейчас центр колхоза имени Буденного, лежало много пустовавшей земли. Сюда после гражданской войны стал переселяться народ из густо населенных районов Украины. Одной из таких переселенческих семей была и семья Зарицких.

— Землю дали, — рассказывает Иван Осипович, всматриваясь из-за руля в сторону, — а у нас, переселенцев, ни коня, ни вола, хоть сам в плуг становись. Шли к местным кулакам, шапку ломали: возьми, добрая душа, нашу землю в аренду. Недалеко, как раз где сейчас МТС, был совхоз имени Тараса Шевченко, имел свои тракторы. И решили мы идти просить помощи не к кулакам, а в совхоз. Направили одного человека до директора: «Не поможете ли беде, дайте обществу напрокат трактор». «Один? — спрашивает тот. — А если мы десять дадим?» Это теперь нам десять тракторов не в диковинку, а тогда и думать не смели. Выехали эти десять тракторов на наши поля и пошли межи запахивать: целина на пути — выворачивает целину, перелог — так и перелог шубой наружу. К осени глядим: наша пшеница всех обставила... И тогда-то поняли, что значит жизнь с тракторами, а жизнь с тракторами — значит жизнь без межей. Написали мы письмо в Москву, благодарили советскую власть... Ну, что вам говорить, сами знаете, письмо-то известное...

Да, письмо это вошло в историю. Его сначала поместили в газете «Известия», а затем на XV съезде партии как пример привел его товарищ Сталин и добавил при этом: «Побольше бы таких примеров, товарищи, и тогда можно было бы продвинуть дело коллективизации деревни далеко вперед».

Подарок Вождю

Андрей МАЛЫШКО

Положили ткани в светлом зале:
Русские ткачихи полотно
Знаменитыми руками ткали,
Принесли Вождю, и вот — оно.

Вот оно оттенка голубого.
В нем как будто трудениц душа...
Нитка льна — хорошего такого —
И сама работа хороша.

Рядом ткани яркие другие,
Кажется, на них цветы весны,
Кажется, на них луга России
Радужные, нет каких красивей,
Женщинами перенесены.

Каждая ткала, и ей желалось,
Чтоб тебе еще прекрасней стать,
Чтоб с красою сила сочеталась,
Чтоб всегда, вовек ты красовалась,
Русская земля,
Родная мать!

Перевел с украинского
Ник. УШАКОВ.

— Славное начало,— сказал я.

— Гм... Разве одно начало у нас славное? Наш колхоз в средних и не бывал. В прошлом году доход был больше двух миллионов, а в этом — около четырех, а к пятьдесят пятому году, думаем, не меньше десяти миллионов иметь будем... И будем иметь! Наш Макар Анисимович не подкачает.

Машина, треща мотором, пронеслась мимо огромного омета соломы. Впереди из темноты появились и стали нарастать яркие огни какого-то села. Они отражались в тихой воде небольшого озерца.

— Только теперь нас обогнать собираются... Колхоз имени Сталина. Вот он, по соседству...— Иван Осипович помолчал и вдруг с улыбкой произнес, нажимая на «о»: — Елки-моталки!..

— Что это? — удивился я.

— Присловие такое у их председателя... у Онохина... Чуть что, «эх, елки-моталки!..» Они там такое строить начинают, ни в одном колхозе еще не додумались... — В его голосе появились нотки зависти.

Но мне так и не удалось услышать подробности. Из радиатора вдруг пошел пар. Иван Осипович рывком остановил машину, поспешно выскочил и, откинув капот, полез в теплое нутро мотора.

— Патрубок соскочил, — невесело сообщил он. — Вода вытекла. Вот тебе и «елки-моталки». И канистра-то пуста, — дипломатически намекнул он.

Я взял из-под заднего сиденья канистру и пошел через степь за водой к видневшемуся озерку.

За озером начиналось село. Утка, оставшаяся на ночь, проснулась и поплыла торопливо в сторону, разбивая на своем пути сонно покачивающиеся на воде отражения светящихся окон.

Пока погруженная в воду канистра наполнялась с монотонным бульканьем, я задумался. Мне не пришлось встретиться с Макаром Анисимовичем Посмитным, председателем колхоза имени Буденного. Он был в Москве, на XIX съезде партии, но я много слышал о нем: о его хозяйственной хватке, о его умелом подходе к людям и даже об его остроумии. Про колхоз его идет громкая слава по стране, из Китая и Польши приезжают к нему учиться... Старый, заслуженный председатель, Посмитный из тех людей, жизнь которых поэты уже начали перекладывать в стихи. И вот нашелся человек, который хочет обогнать Посмитного, и ходят слухи, кой в чем уже берет верх Онохин.

Возвращаясь к машине, я еще издалека услышал:

— А чтоб тебя разорвало!.. Связался на свою голову!..

Я понял, что любовь к своей машине Иван Осипович сменил на гнев...

На следующий день я был в колхозе имени Сталина.

Правление колхоза оказалось в здании клуба.

— Где здесь кабинет председателя? — спросил я у сидевшего за столом бухгалтера.

Бухгалтер, полный пожилой человек, собрав у глаз насмешливые морщинки, ответил:

— В данный момент кабинет председателя находится на полпути к животноводческому городку.

— Как так? — растерялся я.

— Очень просто. С позволения сказать, кабинет у Онохина в его машине. Как увидите темносинюю «Победу»,— цэ вин.

Заручившись таким адресом, я отправился искать председателя. И, нужно сказать, успел во-время... Темносиняя «Победа» уже собиралась куда-то отъехать от колхозных мастерских. Я подошел. Человек, сидевший за рулем, протянул мне через окно кабинки руку и произнес:

— Онохин.

У него суровые складки около рта, крепкий подбородок и усталые глаза.

Я уселся рядом, и мы поехали. Мало-помалу завязался разговор И для меня, уже привыкшего за время пребывания на Одесщине к мягкой украинской речи, было неожиданно услышать напевно-окающий вятский говорок. Онохин родился в Кировской области, был до войны там председателем колхоза, а война забросила его сюда.

О первых днях в этом колхозе он сначала говорил неохотно.

— Война... Село наше на бойком месте — тракт проходит. Войска через него шли. Ни одного общественного здания не осталось. Поверите, — Онохин резко повернулся ко мне, — когда заступил председателем, в колхозе было только три коровы, и те...— его широкая ладонь на секунду оторвалась от руля, он огорченно махнул в пространство,— на ногах не стояли. Привяжешь их — они на веревках висят. Свиней и вовсе не было.

В это время наша машина, огибая село, проходила мимо животноводческого городка. На берегу озера, окружив водонапорную башню, разместились один к одному длинные здания — белые каменные стены, красные крыши.

Наша поездка была обычным выездом председателя колхоза. Съездили на поля к трактористам проверить, как пашут зябь, завернули на озими посмотреть, как они принимаются, завернули к женщинам, перебирающим кукурузу.

По пути Онохин рассказал мне о том, как возникло у них соревнование с колхозом имени Буденного:

— Раньше наши смотрели на буденновцев, как на особый народ, словно сам господь бог распределил: им — богатство, нам — неурожаи да невыполнения. Я поговорил со своими: земля, спрашиваю, что ли, у нас хуже? Нет. МТС нам меньше тракторов дает? Нет. Климат другой? Нет, под одним солнцем живем, одни тучки как над нами, так и над ними проходят. В чем же дело? Дело в нас, в нашем желании. Вызовем на соревнование буденновцев! Кто-то испугался, кто-то на мою сторону стал, не боги, мол, горшки обжигают. Наконец вызвали. Макар Посмитный, мужик хитрый, с дипломатической жилкой, мне руку жмет, хвалит: мол, очень правильно решили, принимаем ваш вызов и приветствуем, а по глазам его вижу, смеется: куда вам, да мы вас сразу на обе лопатки... Скрывать нечего, первое время легонько они нас на лопатки укладывали. Вот теперь посмотрим...

Машина подъезжала к животноводческому городку. Я заметил стены какого-то большого незаконченного здания. Оно издалека смутно напоминало огромный самолет — от основного корпуса отходят в сторону два крыла. Что это: коровник, конюшня, свиноферма? Не похоже...

— Кормоцех это,— ответил мне Онохин, и я тут же вспомнил слова Зарицкого: «Ни в одном колхозе до такого не додумались...»

— Одного крупного рогатого скота у нас почти тысяча, свиней без малого тысяча двести, птицы свыше шести тысяч... Всех кормить надо. Горы корма приходится перерабатывать...

В то время, когда Онохин говорил эти слова, машина въехала прямо внутрь недостроенного здания и остановилась. Мы оказались окруженными огромными стенами, сложенными из больших плит ракушечника. Кроме этих стен, пока что ничего не было. Онохин вышел из машины и повел меня, показывая и рассказывая, где что будет...

Во всю длину главного корпуса расположатся кормозапарники — цементные ямы, прогреваемые паровым отоплением. Левое крыло — не что иное, как отдельный цех по переработке концентратов — зерна и жмыхов. Здесь будут стоять мельницы и жмыхо-дробилки. Правое крыло — цех обработки грубых кормов. Соломорезки и кормоизмельчители станут готовить сечку, которая по трубам пойдет в запарники. Обработанный корм специальными подвесными кранами будет накладываться в электровагонетки. Вагонетки повезут корм в коровники, свинарники, конюшни... Все механизировано, все должно делать электричество, людям останется только переключать рубильники. Даже кормовой бурак из подвала будет подаваться вверх транспортером.

Онохин называет все это кормовым цехом, но это не цех, это — соединение нескольких цехов, это целая фабрика-кухня для скота! Недаром вчера в голосе Ивана Зарицкого я уловил нотки зависти.

Вчера Иван Зарицкий, бывший переселенец, рассказал мне, как двадцать пять лет тому назад десять тракторов появились на полях. Этот случай вошел в историю. Тогда тракторы вызывали удивление. Теперь не удивляются уже электромоторам на токах, водопроводу в колхозных домах... И вот — фабрика на селе!..

На обратном пути Онохин мне жаловался, что нужны рельсы для узкоколейки, лес на перекрытие, двутавровые балки, и деньги есть, а материалы достать трудно...

* * *

Подъезжали к правлению.

— Эх, елки-моталки! — удивленно воскликнул Онохин. — Сколь понаехало!

Перед правлением вдоль каменной ограды выстроилась целая колонна легковых автомашин: несколько «москвичей», светлокоричневая «Победа» из колхоза имени Буденного.

В правлении стол бухгалтера окружила толпа народа. Тут были и из колхоза имени Сталина, и из колхоза имени Буденного, и представитель из области. Оказывается, что до буденновцев дошли вести: колхоз имени Сталина, по последним подсчетам, обогнал по урожайности колхоз имени Буденного. Соседи, прихватив как свидетеля представителя из области, приехали проверять. К нашему приходу проверка документов уже кончилась. Подсчитали, перерыли документы, накладные — все верно, все по закону. У колхоза имени Сталина средний урожай с гектара 29,75 центнера, то есть на один центнер и 35 килограммов больше, чем у буденновцев. И буденновцы, сохраняя благородное достоинство на расстроенных лицах, очень вежливо стали прощаться со всеми за руку.

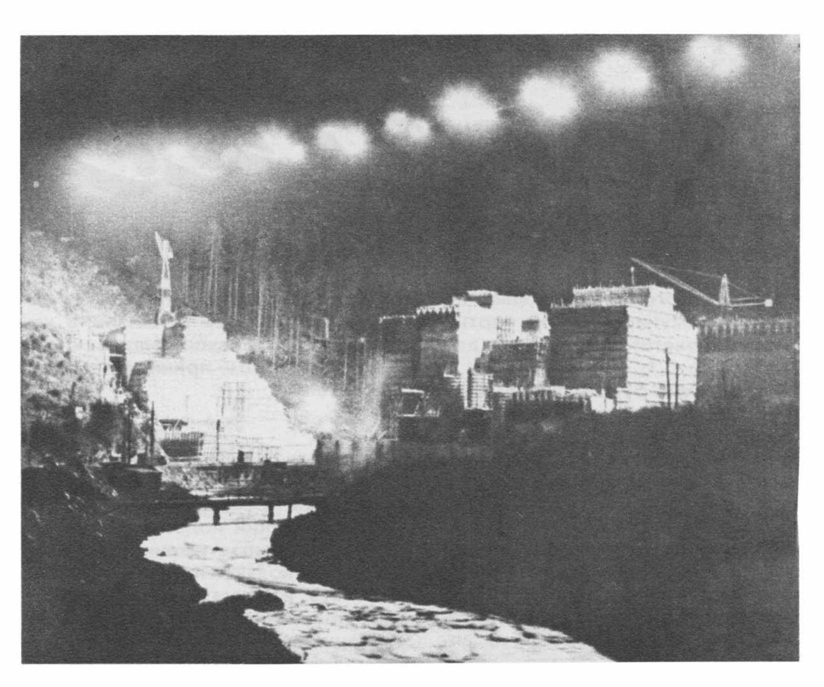
Когда гости уехали, бухгалтер с шумом захлопнул книгу, собрал снова у глаз насмешливые морщинки, весело обратился к Онохину:

— Недоволен будет Макар Онисимович вами. Приедет из Москвы и... Як так обогнали?! Обидится...

В глазах Онохина зажегся лукавый огонек, и он, неожиданно сменив свой вятский говорок на украинский, произнес:

— Мы з ним сусиды. Договоримось.

Одесса.

Строительство Вирской плотины не прекращается и ночью.

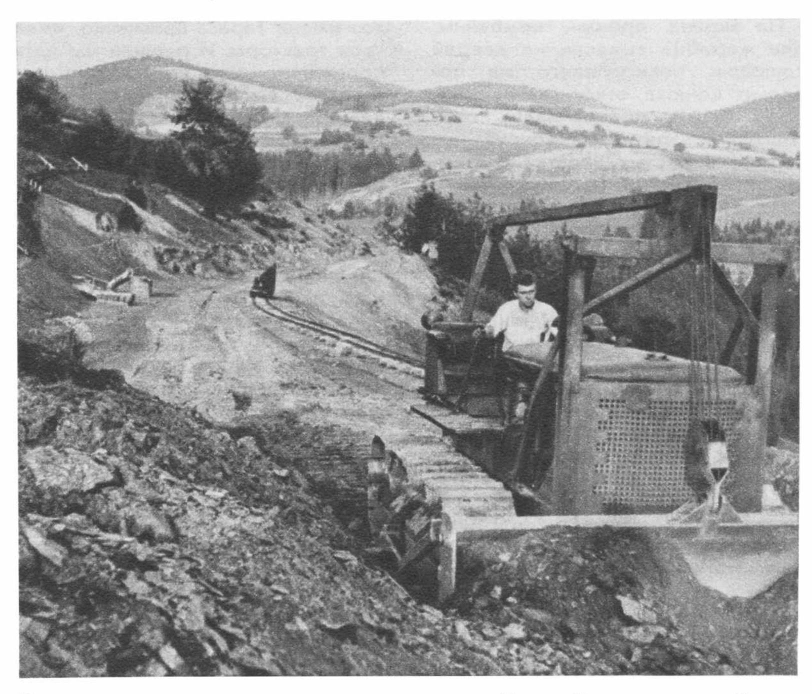
Стройка социализма

В живописной долине на реке Свратка (Моравия) сооружается мощная 70-метровая плотина — одна из строек социализма первой пятилетки в Чехословакии. Здесь образуется водохранилище протяженностью 10 километров с 50 миллионами кубометров воды. Вирская гидроэлектростанция, сооружаемая рядом с плотиной, даст миллионы киловатт-часов дешевой энергии. Постройка плотины устранит катастрофические наводнения и даст возможность регулировать орошение.

Рабочие, инженеры и техники Вирской плотины широко используют опыт великих строек коммунизма в СССР. В приветствии XIX съезду Компартии Советского Союза работники стройки писали:

«По примеру ваших героев — строителей судоходного канала Волга — Дон имени В. И. Ленина — обязались также и мы в честь XIX съезда ВКП(б) и 35-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции выполнить на нашей стройке задания плана четвертого года готвальдовской пятилетки к 21 декабря и снизить себестоимость на 6.671.424 кроны».

1 октября этого года уже сдана в эксплуатацию гидроэлектростанция на одном из участков. Таким образом, на месяц сокращен намеченный планом срок строительства.

На строительстве шоссе, подходящего к Вирской плотине, работает высокопроизводительный советский бульдозер «Сталинец». Водитель машины Ярослав Ондрачек выполняет норму больше чем на 200 процентов.

Фото Чехопресс

В. И. ЛЕНИН и И. В. СТАЛИН ЗА БЕСЕДОЙ. Картина **П. В. Васильева.**

«Огонек». 1952.

УТРО
НАШЕЙ
РОДИНЫ

Карти
Ф. С. Шурпи

И. В. СТАЛИН НА КРЕЙСЕРЕ «МОЛОТОВ».

Картина **В. Г. Пузырькова.**

ИМЕНИ ГЕРОЕВ ОКТЯБРЯ

Ленинград. Марсово поле... Таким зеленым стоит оно до глубокой осени. В самом центре, среди молодых кустарников, возвышаются гранитные глыбы с высеченными на них вдохновенными словами:

«Не зная имен всех героев борьбы за свободу, кто кровь свою отдал, род человеческий чтит безименных — всем им в память и честь этот камень на долгие годы поставлен».

Редко кто из прохожих не задержится у гранитных глыб. Медленно шагая по усыпанным песком дорожкам, люди перечитывают волнующие надписи:

«Здесь погребены павшие в боях в дни Февральской революции и Великого Октября 1917 года».

Рядом на зеленом ковре виднеется небольшой кусок гранита. На нем крупными буквами начертано имя героя Октября Никандра Григорьева.

Мы на Глазовской улице, в типографии имени Григорьева. На стене висит огромный портрет. Революционер-большевик изображен в момент отъезда с первым отрядом питерских печатников на борьбу с белогвардейской контрреволюцией. Ветераны типографии рассказывают о мужественном солдате Октября. Он сидел в тюрьмах и за пение революционных песен во время проезда царской коляски, и за тайное содержание в квартире печатной машины, и за то, что захватил типографию... Вместе с боевой дружиной полиграфистов он в Октябрьские дни штурмовал Зимний дворец.

Параллельно Глазовской тянется другая улица, возникшая на месте старого Сайкина переулка. На эмалевых дощечках написано: «Улица печатника Григорьева». В дни революции здесь, в доме шесть, помещалась типография газеты «Копейка», где Григорьев печатал первые декреты советской власти — ленинские декреты о земле и мире.

Многоэтажное кирпичное здание бывшей типографии с решетчатыми окнами, выходящими на улицу печатника Григорьева, сохранилось и до наших дней. В нем помещаются теперь цехи автоматно-штамповочного завода. Здесь в красном уголке фотопортрет Никандра Семеновича Григорьева.

...Троллейбус пересек центр города и миновал Литейный мост. Мы на прославленной Выборгской стороне. Вдоль Калининского района проходит прямой, как стрела, Кондратьевский проспект. В конце его мраморный обелиск. На нем лаконичная надпись:

«Герой-выборжец Александр Александрович Кондратьев. Бойцу за революцию от Выборгского Районного Совета».

Осенью 1918 года на орудийном лафете доставили сюда тело героя — одного из первых комсомольцев Выборгской стороны, юного комиссара Невельского полка Сашу Кондратьева. В память о нем и назван проспект. Здесь, в доме номер двадцать два, до сих пор живет отец героя Александр Васильевич Кондратьев.

Участник трех революций и боец гражданской войны, Александр Васильевич часто выступает перед рабочей и студенческой молодежью. На его письменном столе стопки исписанных тетрадей.

— Это записи о революционной борьбе молодежи тех лет, — говорит Кондратьев.

Мы вышли на Кондратьевский проспект — одну из оживленнейших магистралей города. Мчатся троллейбусы, автобусы, трамваи.

Вот «Красный выборжец». Здесь бригада Михаила Путина подписала первый в стране договор о социалистическом соревновании. Рядом завод имени Свердлова — родина скоростной обработки металла. В его цехах лауреат Сталинской премии токарь-скоростник Генрих Борткевич установил свой замечательный рекорд.

От берега Невы до самого Кондратьевского проспекта раскинулись корпуса гиганта советского турбостроения — Металлического завода имени Сталина. Здесь строятся небывалые в мире гидротурбины для сталинских строек коммунизма.

На Кондратьевском проспекте выросли многоэтажные благоустроенные жилые дома. В них живут металлисты, строители киноаппаратуры и мощных дизелей, металлурги и текстильщики.

От кинотеатра «Гигант» на Кондратьевском проспекте к Дому культуры имени Газа за Нарвской заставой протянулась самая длинная в городе троллейбусная магистраль. На фасаде Дома культуры мемориальная надпись:

«И. И. Газа потомственный пролетарий — рабочий Путиловского завода. С 14 лет вел революционную работу, помогая подпольной большевистской организации завода. В 1915 году арестован и сослан в штрафной батальон. 3.IV.1917 г. вступил на заводе в ряды большевистской партии. В октябрьские дни — красногвардеец, боец путиловских боевых дружин. В гражданскую войну — организатор Путиловского стального дивизиона и комиссар бронепоезда № 6. Награжден орденом боевого Красного знамени и золотыми часами от ЦИК...»

Будничный октябрьский вечер. Во всех залах и комнатах Дома культуры многолюдно. По лестнице в окружении юных кировцев спускается старый путиловец А. К. Мирошников. Участник штурма Зимнего дворца, он сегодня рассказывал молодежи о памятных днях.

Кабинет творческого содружества. Представитель молодого поколения кировцев, лучший кузнец Ленинграда М. М. Серафимович водит указкой по чертежу, прикрепленному к доске. Он демонстрирует свои приспособления, позволившие резко увеличить производительность труда. Накануне в этом же зале стахановец, лауреат Сталинской премии П. А. Зайченко читал студентам и преподавателям Политехнического института лекцию о механизации слесарных работ.

Заходим в читальный зал и библиотеку. На столе лежит серия брошюр «Герои Октября», вышедшая в Лениздате. «Яков Андреевич Калинин» — называется одна из них. Его имя носит обувная фабрика «Скороход», где он работал.

Перелистываем книгу, посвященную И. И. Газа.

«На окраине царского Петербурга, — читаем на одной из страниц, — в дыму и копоти заводских труб, в низких и грязных домиках жили поколения металлистов, ткачей, прядильщиков. Не многие доживали до старости, большинство погибало молодыми от чахотки и увечий...»

Сын слесаря Путиловского завода и ткачихи Нарвской бумагопрядильной фабрики Иван Газа не раз встречался со старым большевиком Иваном Егоровым, который в Октябрьские дни работал электромонтером на заводе Речкина.

Егоров был вожаком заводских коммунистов. Посланный партией на передовую линию борьбы с контрреволюцией, чекист И. Е. Егоров геройски погиб на боевом посту. Именем Ивана Егорова назван вагоностроительный завод.

...На Марсовом поле мы встретились с группой кировцев. Они принесли сюда букеты живых цветов. Вечно живет в народе память о героях Октября!

К. КОНСТАНТИНОВ

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК ПОЛЬСКОГО НАРОДА

26 октября впервые на основе новой конституции прошли выборы в сейм Польской Народной Республики. Этот день явился великим праздником для трудящихся страны. Люди оделись в лучшее, что у них есть. На улицах городов и сел с самого раннего утра и до позднего вечера слышались песни. Селяне ехали на избирательные участки на конях, разукрашенных цветами и лентами. Всюду царило радостное, приподнятое настроение.

Голосование началось в 6 часов утра, но уже задолго до этого у избирательных участков образовывались длинные, порой в несколько сот человек очереди желающих первыми проголосовать, исполнить свой высокий государственный долг.

Торжественно, с сознанием важности совершаемого ими патриотического акта шли люди к избирательным урнам.

— Сегодня, в день выборов,— сказал крестьянин Францишек Давидович,— я вспомнил, как с товарищами по оружию на шляху Ленино — Берлин мечтал о будущем нашей Польши. И вот эта новая Польша стала явью. За эту Польшу я сегодня голосовал. Я голосовал за Польшу, которую великий Сталин назвал ударной бригадой, за Польшу, которая быстро идет к счастливому будущему.

День 26 октября — день выборов в сейм — еще раз показал единство польского народа в борьбе за мир и социализм.

Мих. Яровой

Голосует президент Польши Болеслав Берут.

В день выборов на площади Конституции в Варшаве.

Маршал Польши Константин Рокоссовский опускает бюллетень.

Агитаторы Национального фронта в день выборов продают газеты на улицах Варшавы.

— За твое счастливое будущее! — с такими словами голосует варшавская работница Мария Цесельская.

СОВРЕМЕННИКИ

Рассказы

Борис ПОЛЕВОЙ

Рисунки О. Верейского

Сказка

Екатерина Федоровна Яковлева, профессор одного из столичных институтов, получившая в последние годы особенно широкую известность в связи со своими работами в области туберкулеза, по дороге на курорт решила навестить дочь Женю.

Мать и дочь очень любили друг друга. Больше того: они были друзьями. Но, как это часто случается, занятые делами, они не виделись вот уже несколько лет. Из писем Екатерина Федоровна знала все о жизни дочери: знала, что она с мужем, оба инженеры-гидрологи, находится сейчас на одной из великих волжских строек. Знала о всех волнениях, радостях и горестях жениной работы. Но всякий раз, когда, получив очередное письмо, Екатерина Федоровна задумывалась над ним, она рисовала себе Женю ребенком, худенькой шустрой длинноногой школьницей, красивой русоволосой студенткой и никак не могла представить ее инженером на огромном строительстве.

Шесть лет назад Женя написала с Урала, что у нее родилась дочь. Прислала фотографию голого, толстого несмышленыша, прядку черненьких, похожих на пух, волос и сообщила, что девочку назвали Аленой. Фотография, переходя из рук в руки, долго путешествовала по клинике. Сама же Екатерина Федоровна была в этот день необыкновенно рассеянна, часто уходила в себя и среди своих обычных дел вдруг, без всякого повода, произносила: «внучка», «бабушка»,— улыбалась и пожимала плечами.

Это было уже давно. А вот теперь, когда машина остановилась у маленького домика с яркокрасной черепичной крышей, низко, на южный манер, надвинутой на самые окна, Екатерина Федоровна испытала новое для нее чувство смятения, ожидая встречи с неведомым ей существом, появление которого сделало ее бабушкой.

С треском распахнулась дверь. С терраски, оплетенной яркой зеленью, одновременно скатились большая овчарка и маленькая чернявая девочка в пестром платье с огромным красным бантом в пышных вьющихся волосах. Производя невероятный шум, обе пробежали по дорожке через палисадник и у машины вдруг затихли, будто замерли. Огромный пес присел, ревниво косе глазом на девочку, а та, разгоряченная бегом, все еще тяжело дышащая, уставилась на Екатерину Федоровну. Удивление, смешанное с недоверием, светилось в ее больших карих глазах.

— Это наша бабушка, — сказала Женя, выходя вслед за матерью.— Поцелуй ее, доченька.

— Алена,— чинно представилась девочка и протянула Екатерине Федоровне ручку с тонкими, длинными и, как сейчас же определила про себя бабушка, «хирургическими» пальцами.

Потом, заговорщицки взглянув на собаку, девочка вдруг фыркнула:

— Разве такие бабушки бывают?

Не зная, что ответить, Екатерина Федоровна оглянулась на дочь. Женя лукаво улыбалась.

— Вы не бабушка, вы тетя, — рассудительно сказала маленькая Алена и добавила: — Вот у Тамары Зайцевой — бабушка. Она старенькая и в очках.

По горло занятая работой, Екатерина Федоровна не сталкивалась с детским миром, и когда вечером Женя с мужем, уходя на партсобрание, оставили Алену на попечение бабушки, та совсем растерялась.

Алена же, привыкшая к тому, что к ним частенько заходят ночевать папины и мамины сослуживцы, наезжающие в командировку, наоборот, чувствовала себя очень свободно. Усевшись против Екатерины Федоровны, она принялась занимать ее разговором о стройке, которая «самая, самая, самая большая». Показала своих кукол и мишек. Все они, оказывается, тоже что-то такое сооружали из кирпичиков и пластелина. Убедившись, к удивлению своему, что странная бабушка в строительных делах ничего не понимает, и вспомнив, что мать говорила, будто она какой-то большой-большой доктор, девочка переменила тему и принялась рассказывать, как осенью она болела ангиной и как ее лечили.

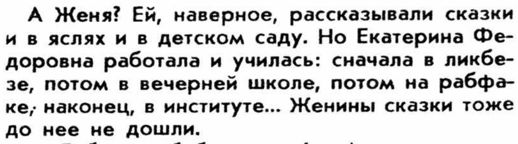
Потом, должно быть, неожиданно даже для самой себя, она влезла к бабушке на колени, охватила ее шею тоненькой смуглой ручкой и категорически потребовала:

— Бабушка, сказку!

— Какую же тебе сказку, деточка? — растерянно спросила Екатерина Федоровна.

— Все равно. Только интересную. Самую интересную.

Наступило неловкое молчание. «Что же рассказать ей?» — думала Екатерина Федоровна. Перед ней вдруг встало ее собственное, такое уже далекое детство. Ее мать — прачка — целые дни поденно стирала белье у разных людей. Она так уставала, что, вернувшись домой, иногда засыпала, сидя у стола, пока дочь доставала из печки обед. Сама Екатерина Федоровна с шести лет оставалась за няньку при младшем братишке, а с восьми уже помогала матери стирать и полоскать чужое белье. Окрики, подзатыльники, вечная сосущая пустота в желудке — вот что вспоминалось ей теперь, и ни одной, ни одной сказки...

А Женя? Ей, наверное, рассказывали сказки и в яслях и в детском саду. Но Екатерина Федоровна работала и училась: сначала в ликбезе, потом в вечерней школе, потом на рабфаке, наконец, в институте... Женины сказки тоже до нее не дошли.

— Бабушка, бабушка же! — Алена нетерпеливо трясла Екатерину Федоровну за плечи.

«Как же быть? — думала между тем бабушка, все более и более смущаясь.—Может быть, призвать на помощь Пушкина?»

Память у нее была хорошая, и она довольно бодро начала:

— Жил старик со старухой...

Алена безжалостно опередила ее:

— У самого синего моря... Знаю, знаю! Это про золотую рыбку. Другую, другую!

— Хорошо, — торопливо согласилась Екатерина Федоровна, испытывая непонятное тягостное ощущение перед этой маленькой девочкой.

Она чувствовала, что внучка удивлена: у всех ребят бабушки как бабушки: носят очки, чулки вяжут, следят за тем, чтобы внучата побольше ели, и, конечно, время от времени рассказывают интересные сказки,— а тут в первый раз в жизни появилась бабушка и ни-

чего не может, ничего не умеет. Екатерина Федоровна с грустью ощутила какую-то пустоту, пробел в своей жизни, которого раньше за многочисленными своими делами вовсе и не замечала. И вместе с этим пришло страстное желание во что бы то ни стало завоевать это маленькое сердце, рассказать хорошую сказку, быть не хуже других бабушек.

— Жил-был славный царь Додон...— начала она уже значительно менее уверенно.

— Смолоду был грозен он, — как эхо, отозвалась Алена и зевнула, вежливо прикрыв рот ладошкой. — Эту нам в детском садике читали. А новой сказки ты не знаешь? Ну, хоть маленькую, хоть самую малюсенькую, ну, вот такую!

Алена показала кончик мизинчика.

Теперь внучка уже не трясла бабушку. Она смотрела ей в глаза, и в ее взгляде было не удивление, не упрек, а откровенное детское разочарование. У Екатерины Федоровны тоскливо заныло сердце. В отчаянии, миновав так и просившуюся на язык присказку «В некотором царстве, в некотором государстве», Екатерина Федоровна начала, еще не зная, о чем она будет говорить и чем кончит:

— Вот тут, Аленушка, где папа с мамой строят гидроэлектростанцию, когда-то проходил фронт...

Произнося это, Екатерина Федоровна волновалась даже больше, чем тогда, когда однажды поднималась на трибуну международного конгресса.

— Когда воевали с фашистами? — тотчас же спросила Алена и заерзала, поудобнее усаживаясь на коленях.

— Нет, раньше. Давно. В гражданскую войну... По одну сторону фронта были красные, а по другую белые.

— А почему белые? Они в белом ходили?

— Нет, детка. Так называлась армия, которая воевала против народа, за царя.

— За царя Додона?

Екатерине Федоровне пришлось по возможности проще рассказать внучке, за что сражались красные, за что белые, и заодно, не без большого, правда, труда, объяснить, что такое не сказочный, а настоящий, «всамделишний» царь и кто такие были помещики, фабриканты, купцы.

В молодости Екатерина Федоровна слыла хорошим агитатором, и теперь она с радостью чувствовала, что ее слушают внимательно и так, точно рассказывает она не то, что сама хорошо помнит, а будто ведет она внучку из мира реального в иной, сказочный, мало понятный и страшный. Не все доходило сразу. Узнав, например, что помещики и фабриканты присваивали себе то, что изготовляли рабочие и крестьяне, Алена вдруг спросила, почему же тогда этих людей, берущих чужое, не взяли в милицию. Пришлось объяснять снова. Но главное было достигнуто. Контакт установился, внучка слушала внимательно.

Теперь, когда она приоткрыла Аленушке дверь в мир прошлого и та притихла, вытаращив глаза, бабушка усадила ее получше и уже уверенно продолжала:

— Так вот, деточка, здесь проходил фронт. Белые наступали на красных, они хотели отнять у них вот эти края, где было много хлеба, чтобы рабочие в Москве и других городах умерли от голода. Красные знали этот их замысел и сражались тут изо всех сил. А рабочие в городах, занятых белыми, старались помочь красным. Коммунистическая партия имела там свои подпольные группы... Ты, деточка, только не думай, что они жили и работали под полом.

— Я не думаю. Такие, как Олег Кошевой? Да? — снисходительно заметила Алена.

— Вот-вот. Такие, как Олег, только большие. Там было много людей. И вот красным командирам понадобилось доставить в один город пакет, а в пакете этом план. В плане было указано, как подпольщики и все рабочие должны помогать красным, когда те подойдут к городу. А доставить этот пакет было трудно. Белые были настороже. И если кого из красных поймают, так начнут его мучить, а потом убьют.

— Как фашисты?

— Ну да. Как фашисты... Вот думал-думал командующий, кого послать с этим пакетом. Послать кого-нибудь из бойцов — обязательно его схватят, потому что белые всех, кто по возрасту должен находиться в армии, хватали. Как быть? Тогда один из командиров, молодой балтийский матрос, и говорит: «Пошлите, товарищ командующий, нашу Катю». А Катя была его жена. Удивился командующий: как, мол, так,— у нее ребенок грудной. А матрос говорит: «Это и хорошо: женщину с маленьким никакой беляк не заподозрит».

— А эта Катя кто была, бабушка?

— Тоже красноармеец, ну, солдат, что ли. Она на фабрике работала, а как началась революция, пошла в Красную Гвардию, замуж за этого матроса вышла, дочку ему родила. Так вот, Аленушка, зовет ее командующий: так, мол, и так, возьмешься пакет доставить? И отвечает Катя: «Раз для революции надо, возьмусь». И вот сменила Катя свою гимнастерку и сапоги на дорогое платье, на боты, на шубку. Дали ей документы подложные: будто она жена белого офицера и едет к нему с ребенком в город. Взяла она девочку на руки, отвезли их на большую станцию, что была уже за линией фронта, билет ей дорогой купили, в такой вагон, где раньше только помещики да фабриканты ездили.

— Ей не стыдно было ехать с помещиками?

— Это, внученька, для того, чтобы белых обмануть, чтобы они подумали: барыня едет...

— А барыня — это что? Это пляшут которую?

Екатерина Федоровна рассмеялась. Но теперь, уже держа в руках ключ к детскому сердцу, она легко объяснила, кто были барыни. Внучка торопила:

— Ну-ну, а дальше? Села она в барынин вагон, а белые что?

— Так вот, села она, дочку свою на руках держит, и вдруг дверь отворяется и входит белый офицер.

— Ух ты! Белый?

— Да, белый. В чине капитана. И оказывается, его место напротив. Сидит Катя ни жива, ни мертва. Была она у красных медицинской сестрой, и связисткой, и пулеметчицей, много видела белых, только те все были мертвые, а этот — живой. Офицерик сидит против нее на диване, папиросу курит, усики себе подкручивает, охорашивается, чтобы молоденькой барыне понравиться.

— Он не узнал, что она красная?

— Не узнал, Аленушка, не узнал, а только ей-то не легче. Сидит в углу, прижалась, чтобы не заметил он, как она вся дрожит. Вдруг угадает, обыщет и найдет пакет. А он уж приметил, что с ней неладно, и спрашивает: «Что с вами, сударыня, почему вы такая бледная?» Она ему: «Ах, господин капитан, голова кружится, это от табака, наверно, я не выношу дыма». Он извинился и вышел, а она рукой за пакет: тут ли?

— А он где, пакет-то, у нее был?

— Катя его хитро спрятала. На грудке у дочки, меж пеленкой и одеялом. Так что он у нее все время в руках.

— А если белые узнали бы?

— Убили бы и ее и дочку... Так вот, ехали они, ехали и уж к городу подъезжать стали. Вдруг поезд в степи остановился! Слышно кричат: «Из вагона никому не выходить! Проверка». Катя встревожилась. А вдруг заметят, что документы поддельные? Не выдержала, да как заплачет. А капитан, что напротив нее сидел..

— Этот белый?..

— Ну, конечно, белый! Он успокаивать принялся: не плачьте, мол, мадам, это наши, они документы проверяют, красных ловят,— так что вы не бойтесь. Он успокаивает, а Кате от того все страшней. Слышит: кого-то уже из вагона волокут. Кто-то там бранится, кто-то кричит: «Да здравствует коммуна!» И уж по этому вагону, где Катя сидит, идут. Стучат в дверь: «Господа, без паники, красных ловим, предъявляйте документы».

— А Катя, как девочка, что зашла в избушку к разбойникам да спряталась, все слышит, все видит?

— Вот-вот. Только Кате еще страшнее. Сидит она и о муже своем думает, не узнает он о ее гибели. Прижала к себе ребенка и решила: если уж судьба умирать, так умрет, как комсомолке положено. Плюнет этим белым в лицо и скажет: «Революция победит!» — или что-нибудь подобное, и ни себе, ни дочке пощады у них просить не будет. Сидит она так, с жизнью прощается, а офицер, что напротив, уже заметил, что с ней неладно, так в нее глазами и впился.

Алена всем телом прижалась к бабушке. Впервые в жизни приходилось ей волноваться не за свою сказочную тезку, утопленную злой мачехой, не за какую-то царевну, усыпленную недобрым волшебником, а за живую юную мать и ее крохотного ребенка.

Волнуется и сама рассказчица. На крупном полном лице, еще хранящем следы спокойной русской красоты, пятнами идет румянец. Голос у нее начинает дрожать.

— Ну, ну, и что? — торопит внучка.

Выдержав паузу, бабушка продолжает:

— Ну, и вошли они, белые, спросили документы. Пока капитан свои показывал, Катя едва сознания не лишилась. Вот, думает, и все, и конец, сейчас заметят ее волнение, поглядят попристальней на паспорт и арестуют. И кончится ее жизнь в самом радостном начале и не увидеть ей того, о чем мечтали они с мужем в редкие дни боевого отдыха, и никто у

нее на могилке слезы не уронит. И еще думала она: не передать ей подпольщикам плана, и не помогут они красным частям при наступлении, и много хороших людей может из-за этого зря, как и она, погибнуть.

Думает она так и от дум этих обретает новые силы. И страх у нее проходит. И спокойно становится на душе, и уж не слушает она, как за окном гремят выстрелы. Между тем патруль к ней: «Документы». Она дочку свою вместе с пакетом в одеяле офицеру передала: дескать, подержите, пока я бумаги достану,— неторопливо протянула свой фальшивый паспорт, даже спросила у патрулей: «Вы не знаете, я не достану на этой станции молока?»

— А для чего ей молоко?

— Ну, будто бы для ребенка. Обманывала она их, отвлекала, чтобы они не очень тщательно смотрели. И так уж, внученька, в жизни всегда и бывает: если человек к хорошему стремится и очень этого хочет, всегда он того достигнет. Патруль ее пропустил. На вокзале сам офицер чемодан ей до извозчика донес. Она красивая была, эта Катя. Очень ему понравилась.

— Ну и подпольщики получили план?

— А как же! Катя за несколько кварталов до их квартиры с извозчиком рассчиталась. Вошла во двор и через двор в другой двор, на соседнюю улицу, а потом уж отправилась, куда ей надо.

— А зачем она так ходила?

— Это чтобы белые ее не выследили. А потом, как добралась она до своих, как передала им все, так тут и упала.

— Почему же она упала?

— Она и сама не знала. От страху, наверно, и за дочку и за себя.

— А подпольщики обрадовались?

— Конечно! Они готовиться стали. Тут вскоре красные подошли. С двух сторон они как по белым ударят! Ну, и освободили город.

— А Катя?

— Ну, что ж Катя. Она свое сделала. В городе ее муж-матрос отыскал вместе с дочкой. Очень он обрадовался, что они живы и здоровы и так все хорошо сделали...

— И сделали пир на весь мир? И я там был, мед-пиво пил... Да? — лукаво спросила внучка.

— Нет, Аленушка, какие тогда пиры, белые-то не все уничтожены были. Еще сколько после этого воевать пришлось. Пир это теперь, когда...

Екатерина Федоровна не договорила и, вздрогнув, замолкла. В комнату быстро вошла дочь.

— Мама, почему ты никогда не рассказывала мне эту сказку? — спросила она.

— Ты слышала?

— Ну да. Мы полчаса назад вернулись. Я сидела в столовой у двери... Скажи, мама, эту маленькую девочку звали Женя? Да? Ну, говори же скорей.

Екатерина Федоровна молча кивнула головой.

Маленькая Алена уже оправилась от впечатлений, произведенных бабушкиной сказкой, и теперь вопросительно смотрела то на мать, то на Екатерину Федоровну, не понимая, почему они обе так волнуются. Чудаки — эти взрослые!

Капитан

С. МАРШАК

Он пионером был в Артеке,
У моря теплого — в Крыму.
И за два месяца навеки
Артек запомнился ему.

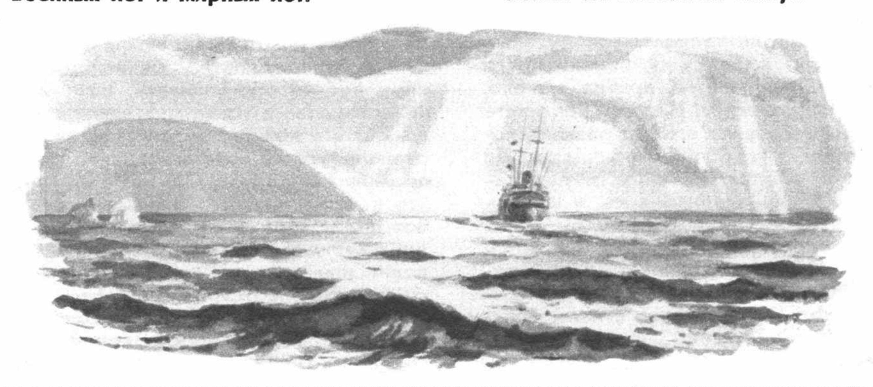
Здесь — у подножья Аю-Дага —
Горнист окрестности будил.
И весь отряд к подъему флага,
К подъему солнца выходил.

Звенела от шагов площадка.
Шумело море ей в ответ.
С тех пор промчалось два десятка
Военных лет и мирных лет.

И тот, кто смуглым мальчуганом
На берегу встречал восход,
Во флоте служит капитаном,
Могучий водит теплоход.

Он каждый раз глядит из рубки
На свой Артек, на дальний флаг,
На взморье, где ходил он в шлюпке,
На каменистый Аю-Даг.

И, боевой моряк суровый,
Он молча отдает салют
Далекой юности, что снова
Встает на несколько минут.

О самом заветном

До центрального поселка строителей мы добрались ночью. А в гостиницу я вернулся, когда весь этот большой, ширококрылый дом уже угомонился и спал. Все терялось в сероватом полумраке. В свете ночника можно было разглядеть только дежурную, задремавшую у телефона над каким-то толстым романом.

Поездка выдалась тяжелая. Возвращаясь с дальнего объекта, мы попали в буран. Снег двигался сплошной шевелящейся стеной, которую едва пробивал свет фар. То и дело приходилось искать дорогу, работать лопатой, толкать буксовавшую машину. Обжитое тепло гостиницы показалось поэтому необычайно уютным.

— Вернулись? — спросила, проснувшись, дежурная. Она смущенно оглянулась на доску, на которой не было видно ни одного ключа.— А у нас опять прилив. И какой! Лучшие экскаваторщики на слет съехались. Монтажники прибыли.— И вдруг сердито закончила: — Хотите — бранитесь, хотите — нет, я в ваш номер двоих вселила.

Кому не известно, что во временных гостиницах, устроенных для приезжего люда в поселках строительств, приливы отличаются от морских тем, что не чередуются с отливами. Кровать свободна — и хорошо. Скорей бы до нее добраться!

Желтоватая лампочка, свисавшая на шнуре с потолка, была так ловко затенена газетой, что освещала только стол, стоявший посреди комнаты. Раскладушки, на которых разместились вновь прибывшие, терялись во тьме. Два неярких огонька, то разгораясь, то угасая, мерцали над ними, как бы говоря, что здесь еще не спят. Густо пахло табачным дымом.

Пока я разбирал постель, раздевался, никто не проронил ни слова, но почему-то чувствовалось, что мой приход прервал беседу. Пожелав сожителям спокойной ночи, я поспешил натянуть на себя одеяло.

Несколько минут было тихо. Потом свежий молодой тенор с раскладушки справа произнес деликатным шепотом:

— Кажется, уже спит...

— И очень свободно... Вон она сегодня, дорога-то, какая,— отозвался слева хрипловатый бас.

Метель не унималась. Ветер, налетавший порывами, сотрясал стены, ворочался в трубе, визжал, исступленно тряс заслонку. Сухой снег стучал в окна так сердито, что мнилось, будто кто-то бросает в стекла горсти песку...

— Так вы говорите, действительно его самого видели? — произнес тенор уже громче.

— Я не сказал: видел. Был с ним рядом, это верно.

— Где же, когда?

— Вот то-то и оно, когда! В этом и самое главное. Вам в Сталинграде воевать не довелось?

— Я вообще не воевал. Не отпустили. На Урале танки строил.

— Ну, тогда слушайте обстановочку. За сражением вы, конечно, по сводкам следили? Но сводка — это сводка, а бой — это бой. Сталинград как следует и в толстой книжище не опишешь, не то что в сводке... У меня дружок был, второй номер у моего пулемета, Скороходов Серафим, дотошный такой парнишка из колхозных счетоводов. Так вот он как-то в затишье подсчитал, что в телеграфный столб, что возле нашей точки валялся, двести тридцать пуль попало да осколков сколько-то, уж не помню. А потом и вовсе этот столб в щепки измочалило. Вот какой плотности огонек был!.. Симка этот, мой почтенный второй номер, бывало, говаривал, что кабы не наша крутая военная закалочка, нам бы при такой ситуации каждому надлежало по два раза убиту да по три раза ранену быть... Эх, чорт, закурю, комната большая, развеется!.. Как это вспомнишь, так папироса сама в рот и лезет.

Рассказчик загремел спичками. На потолке качнулась изломанная тень лампы, на фоне стены возникло черное окно, в которое метель скреблась белой лапой. Спичка погасла. Ветер засвистел в трубе с новой яростью.

— Ну, ну, продолжайте, пожалуйста, — попросил собеседник.

— Да, так вот я об обстановочке... К ноябрю холода начались. По Волге сало поплыло. А у закрайков уж наледь по ночам нарастать стала. Пришлось нам еще на одну дырку пояса затянуть. Вся наша связь с тем берегом под прицельным огнем. На быстроте да на маневре катера тогда реку перебегали. А тут поди, поманеврируй по салу да меж льдин!.. И дошло дело до того, что не только снаряды, а и мины считать стали. Спасибо, артиллерия с того берега нас прикрывала... Да... Вот в это-то время мы, сталинградцы, и написали ему письмо. Клянемся не отступать, за Волгой для нас земли нет. Стоим насмерть. И все, сколько нас в Сталинграде людей ни было, каждый собственноручно, письмо подписали... Ну и я, конечно, свою закорючку поставил. А как же, пулеметчик! В уличном бою первое лицо.

— Помню это ваше письмо. У нас на Урале его по сменам вслух читали.

— Ну, вот видите... Все это к чему? Вот, кажется, великое ли дело — поставить свою подпись на бумаге? А на проверку — силища... У нас тогда начались самые лихие дни. Мороз фашисту пятки жжет, тот вовсе осатанел, лезет и лезет. Огонь такой, что отдельно выстрела и

не слышишь. Все сплошь гудит. Земля дрожит, будто под ней какой огромный мотор работает. По пять, по восемь атак в день отбивали. Так окостенеешь у пулемета, спину не разогнуть. И все, бывало, боишься глаза закрыть: заснешь ненароком, тут уж тебя ничем и не разбудить. Но как только усталость уж очень валить станет, вспомнишь, бывало, что на письме к нему и твоя подпись, так откуда силы возьмутся!

Эх, и дрались же мы тогда, дорогой ты мой товарищ! Вспомнишь сейчас, вроде и сам не веришь. Полно, мол, под силу ли это человеку?.. А нашему человеку все под силу...

Ну, это не главное, а к главному я только подошел. Так вот, в начале зимы и вышла нам всем генеральная проверочка: кто чего стоит. Свежие части фашист в бой пустил. А наш полк и окажись на направлении главного удара. Отобьем атаку, отскочит, тут бы самая пора спину разогнуть, да горячего кулеша с сальцем похлебать, да фронтовую дозу у старшины испросить погреться... Где тут! Фашист уж «гох» орет. Новая атака. Кулеш возле тебя в котелке ледяной коркой покрывается, вода в пулеметном кожухе закипает, а ты, знай, мети огнем свой сектор обстрела... Дескать, ты силен, а мы сильней, ты упорен, а мы упрямей! Не пущу, сукин сын, не пройдешь!

Не помню уж, на какие сутки, ранило моего второго номера. Не слишком, правда, тяжело, но в общем как следует. Сестру покликать надо, чтобы эвакуировала его, да разве человеческий-то голос в этом грохоте услышат. Да и Серафим мой уперся: не уйду от пулемета — и шабаш. А сам зеленый весь, и шинель от крови залубенела. Ситуация! Сам бы отнес, да от пулемета как отойдешь? А ну они опять в атаку подымутся? Точка наша на самом, можно сказать, пупке. Однако под утро улучил минутку, когда вроде бы маленько стихло. Взвалил верного моего Серафима на плечи, да и пополз с ним в ходок сообщения. Только выполз, а у них опять пулеметы заговорили, и опять это «гох», чтоб ему пусто было. Атака! Что делать? А Серафим шепчет: «Клади меня на землю и давай к пулемету!» Стонет, вырывается. А атака крепчает. Вроде бы уж где-то у нашего рубежа орут. Ладно! Посадил я моего Серафима в траншейке у стеночки, в затишке, да и на место. А фашист — уж вот он, вовсе перед глазами мельтешит. Много. Так я всю ленту без единой запиночки по ним и дал. Ну, захлебнулась атака, я обратно к Серафиму. Живой? А он сидит, чудной какой-то, радостный, и глаза горят... «Знаешь,— говорит,— сержант, кого я сейчас видал?» «Кому,— отвечаю,— тут быть, когда бой?» «Самого,— говорит,— видел, тут он, с нами. Только вот-вот мимо меня во второй батальон прошел. Улыбнулся мне даже. Дескать, держись, солдат».

— Неужели его? — взволнованно переспрашивает собеседник.

— Ну да, это Серафим мне так говорит. Гляжу я на Серафима и не знаю, верить или нет. «Ты,— говорю,— братец, в себе ли? Как же это так? Все по точкам сидят, в окопах хоронятся. А он...» «А так, как сказал,— отвечает Серафим,— идет и пулям не кланяется. Как тебя вот видел. Шинель, фуражка. Столько раз в кино его видел, где же тут обознаться?» Ну, толковать некогда, взвалил я моего Серафима на плечи, до пункта донес, сестричке сдал... Он ничего, бодрый, в сознании. Поцеловались мы на прощание, и не стерпел я, опять его спросил: «Верно, видал? Не померещилось?» Отвечает: «Лучше даже, чем тебя вот сейчас. Потому что сейчас голова у меня кружится».

— Разве он тогда приезжал в Сталинград?

— А вот слушайте... Уж какими только пулями нас не обстреливали, какими порохами не капчивали, а тогда мне вдруг страшно стало. Как же так! Тут, можно сказать, смерть по окопам гуляет, головы поднять нельзя, а он промеж нас ходит... Однако ему лучше знать, что к чему. Ну, бегу я назад в свою ячейку. Вот она и нора наша, и пулемет, и возле люди: командир наш, старший лейтенант, и замполит, или политрук, как их тогда звали. Меня командир благодарит: дескать, спасибо за службу, к ордену тебя вместе со вторым твоим номером представляем. Здорово ночью фашиста освежили. А я вместо того, чтобы, как положено солдату, на похвалу ответить, гляжу на них и думаю о другом: «Сказать ай не говорить?» В себе такую радость таить, сами понимаете, трудно, а с другой стороны, может, Серафиму моему от потери крови все это померещилось. Зря людей всполошишь.

— Ну, и как же потом, выяснили, он был?

— А вот слушайте. Нас в эту ночь на отдых к Волге в блиндажи отводили. Позицию мою молоденькие матросики из полуэкипажа волжской флотилии занимали. Один из них, что на моем месте располагался, шепнул: «Слыхал, мол, пехота, сам будто тут у нас. Стало быть, не иначе, наступать будем». Обрадовался я. Ну, думаю, не обознался мой Серафим. Однако отвечаю, как положено солдату: «Ты, мол, флотилия, ешь пирог с грибами да держи язык за зубами. И я об этом знаю, но раз не объявлено, стало быть, и болтать о том нечего. Военная тайна...» А потом, когда артиллерия РГК начала через наши позиции фашистам жизни давать, когда самолеты тучами на них пошли, тут у меня последние сомнения отпали. Даром, что ли, люди говорят: Сталин — это победа? Я так думаю: прочел он наши слова, что стоим мы насмерть и за Волгой земли нам нет, и прибыл к своим солдатам... Так-то я рядом с ним и побывал... Ну, спим, что ли?

— Спать, так спать. Спокойной ночи.

Замолчали. Метель скреблась в окно. Заслонка клацала, точно челюсть перезябшего человека. То в одном, то в другом конце комнаты поскрипывали раскладушки. Наконец сталинградский ветеран не выдержал:

— Не спите, что ли?

— Не сплю.

— Думаете?

— Думаю.

— О чем?

— Да вот о рассказе вашем... Сталин — это победа. Скажешь вот это другой раз и не задумаешься, какая в этом правда... Вам спать не очень хочется? Позвольте, я вам тоже расскажу один случай... Вы наш объект знаете?

— Ну, вот тебе, слава богу! Я ведь сначала на своем экскаваторе у вас там копался.

— И наш фронт работы хорошо представляете?

— Да уж как-нибудь.

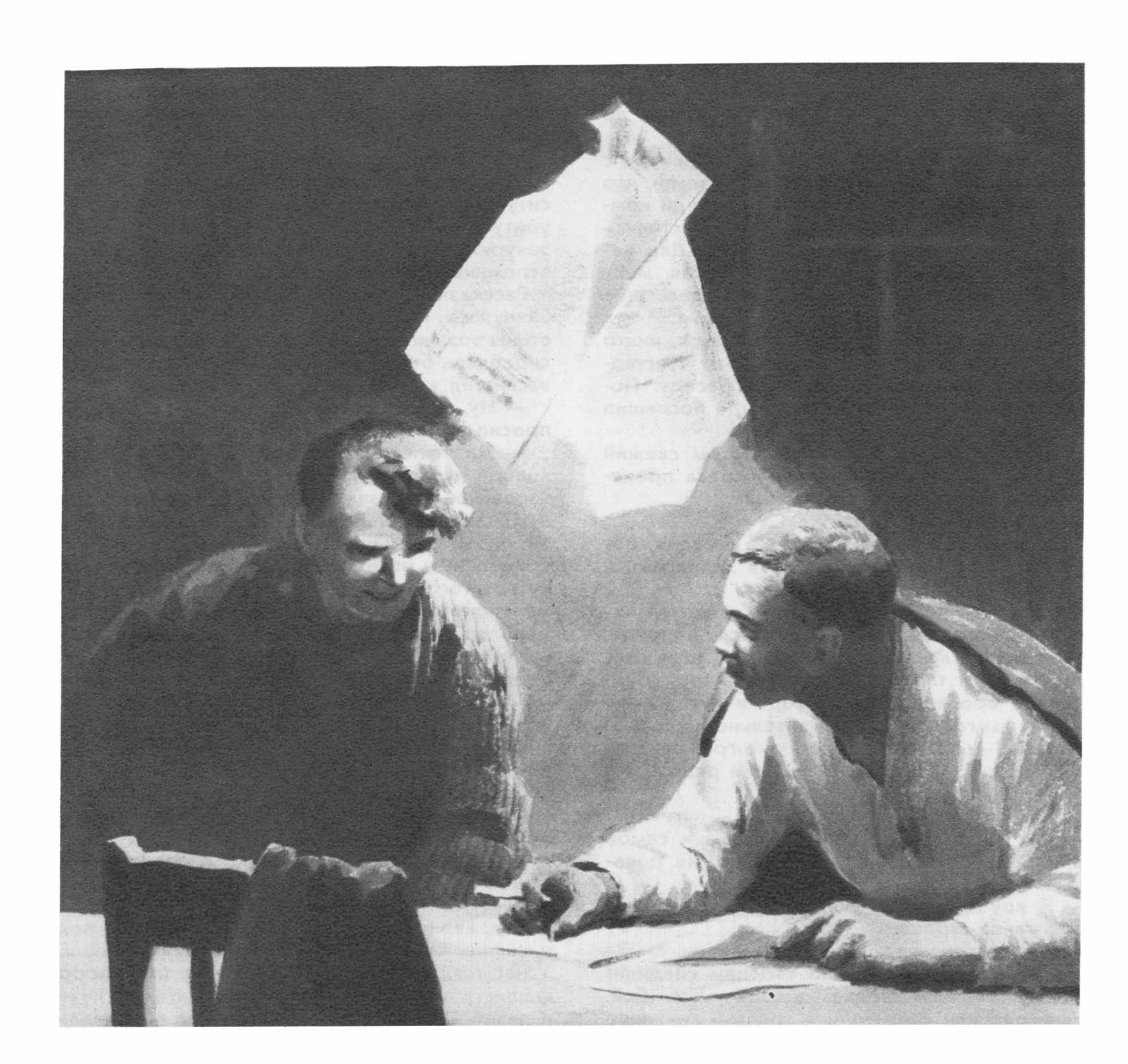
— И с планом нашим знакомы?

— И с планом знаком. Крепкий план. Недаром вас всем в пример ставят.

— Вот и представьте себе: при таком напряженном плане внезапный подъем грунтовых вод. И сразу пятнадцать процентов всех бетонных работ насмарку! Так сказать, неожиданный удар в спину. А график рассчитан тютелька в тютельку. Паводок приближается, не кончишь к паводку бетонирование, все многомесячные наши труды, горы материалов, миллионы рублей, всю нашу славу трудовую — всё осенняя вода смоет.

— Дело серьезное.

— Еще бы!.. Безвыходных положений, как известно, нет. Ну и тут нашли выход. Но объем бетонных и иных сопряженных с ними работ

* * *

Степан ЩИПАЧЕВ

Он взрослым парнем стал. Хотя давно ли
Мальчишкою сидел за партой в школе,
Стоял с кусочком мела у доски,
И были плечи у него узки.

Он взрослым парнем стал. Надел на днях
Пиджак отцовский — он трещит в плечах.

Тяжелые мужские две руки,
Заметно сразу, костью широки.
Такие руки, знаю, навсегда
Сроднятся с доброй славою труда.

Как тяжелы они и как нежны,
Узнают плечи молодой жены.

в результате всего этого так возрос, что потребовалось количество рабочих чуть ли не удваивать. Но где их сразу возьмешь? А время идет. Погода хмурится, тучи над степью ходят. Вот-вот грянут осенние дожди, набухнут ручьи, наполнятся балки, пойдет большая вода...

— Да, ситуация... Что ж, закурим, раз такое дело, — говорит сталинградский ветеран, папироска которого мерцает уже возле койки рассказчика.

— Сам-то я не строитель. Монтажник. Наше дело — машины, и вся эта история ни меня, ни группы моей формально не касается. Но разве тут речь о персональной ответственности? Дело кровное. И мне как инженеру-механику, сколь ни малы мои познания в гидротехнике, ясно, чем все это стройке угрожает.

— Это точно.

— Вдруг по объекту проходит слух, что он едет к нам на стройку.

— Полно вам. Разве он тут тогда был?

— Погодите... Утром, когда я в камеры, где монтаж шел, спустился, подходит ко мне бригадир слесарей и шепчет: «Сам сюда вылетел». «Откуда известно?» «Только об этом и толкуют все». Понимаете, что̀ мы все тут почувствовали?

— Да!..— Огонек папиросы часто-часто вспыхивает и гаснет в зубах сталинградца.

— Не сегодня — завтра он к нам, а наш объект с открытой раной перед паводком лежит... Вот вы сталинградский солдат и этим гордитесь. А я уралец и тоже этим горжусь. У нас в войну, случалось, неделями из цеха не выходили. Но такого, что тут началось, и на Урале в войну видывать не приходилось. Что-то невероятное! Дело рук своих от воды спасая, люди работали сутки, вторые, третьи... Десятники, прорабы гонят их домой, а те не идут или уйдут для виду и возвращаются сейчас же. Если уж кого сон и валил, ложились тут же, чтобы не тратить время на езду в поселок. Пищу потребовали привозить на рабочие места. А работали как! Вот, говорят, чудес не бывает. Неверно, бывают чудеса, только не божеские и не бесовские, а человеческие... Выработка у бетонщиков в те дни, поверите, за семьсот процентов перевалила. Электросварщики догоняли до тысячи. Не погляди я на это своими глазами, не поверил бы. Нипочем! Просто богатырями какими-то люди стали, стройку от беды спасая...

— Это бывает.

— Что там бывает! Было! И вот эшелон с рабочими, что к нам на помощь ехал, с полдороги возвращать пришлось. Не понадобилась помощь. Сами, своими руками с бедой справились.

— Но он не приехал?

— Не приехал. По крайней мере, к нам. Но мы так тогда поработали, что у меня и теперь вот ощущение, будто и вправду он нас тогда посетил, поглядел нашу работу, похвалил за наши дела.

— Сила!

— Что вы сказали?

— Сила, говорю, в имени его. Огромная сила!

— Это верно.

— Ну, спим? Покойной ночи!

— Какая уж тут покойная ночь! Разве теперь уснешь!

Было слышно, как сталинградский ветеран одевается, кряхтя, натягивает валенки. Потом он бесшумно появился у стола, зашуршал бумагами. В узком луче света, отбрасываемом затененной лампой, появилась его круглая, коротко остриженная седеющая голова.

— Идейка тут у меня мелькнула за разговором. Мне ведь завтра экскаваторщикам о моих приемах сообщать, вот и еще кой-что на ум пришло, вроде полезное. Вы себе спите, а я запишу, чтоб не забыть. А то выйдет, как у того татарина из сказки, что видел во сне кашу, проснулся, ложку ищет, а каша-то во сне осталась.

Некоторое время было тихо, лишь бумаги шуршали. Потом заскрипела другая раскладушка. Слышно стало, как монтажник возится с одеждой. Наконец над столом склонилась вторая голова, с выпуклым лбом, с кудрявым пшеничного цвета чубом.

— Вы правы, не уснешь. Ну-ка изложите вашу идейку. Может, я чем окажусь полезным. Я хоть сейчас монтажник, но ваши экскаваторы знаю. Земляки они мне. На нашем заводе их строят.

Часы, висевшие где-то далеко в коридоре, звучным, очень значительным басом неторопливо отсчитали четыре удара.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Если в сторону Вахша отправишься в путь,
Ты увидишь любезную сердцу картину:
Плодоносную, полную солнца долину;
Вновь и вновь на нее ты захочешь взглянуть.
Никогда не насытится сердце рассказом,
Если все в том рассказе увидено глазом!

Здесь не только наш хлопок белеет вокруг,
Здесь не только ячмень, здесь не только пшеница,
Здесь не только нектар лепестковый струится,
Здесь не только тутовник, не только урюк, —
Ты увидишь, пройдя по долинам таджикским:
Стал кавказский лимон гражданином таджикским!

За собою оставил пахучий лимон
Перевалы, и реки, и даль побережий,
Поселился у нас черноморский приезжий,
Навсегда он таджиками усыновлен.
Он явился, как вестник труда и богатства,
Он явился, как символ великого братства.

Он обрел свое место над вахшской водой,
Снова чует отцовскую ласку народа,
Познавая любовь и язык садовода,
Он увидел: вся Родина — сад молодой.
Он, кавказец, в Отечество наше влюбленный...
Я уверен, что всюду созреют лимоны!

Перевел с таджикского
С. ЛИПКИН

Дора Лека в дни освобождения Тираны от фашистских оккупантов. 1944 год.

Партизанка, композитор...

Албанская девушка Дора Лека приехала учиться в Московскую консерваторию. Ее друзьями стали студенты национального отделения консерватории. Здесь она проявила свои незаурядные способности. Дора Лека написала несколько хоров и танцев, обработала народные песни, создала увертюру на албанские темы для симфонического оркестра.

Недавно Дора Лека была в родной Албании. В Тиране она присутствовала на фестивале народного творчества. Объединенный хор участников фестиваля в числе других народных песен исполнил и «Песню о партии», написанную Дорой Лекой.

В Тиране студентка консерватории встретила своих товарищей — бывших участников партизанских отрядов, боровшихся за освобождение Албании от ига фашистов. Вместе с ними она, член подпольного союза молодежи, в ноябре 1941 года ушла в горы. Там, в горах, девушка-композитор сочинила «Гимн албанской молодежи», боевые партизанские песни «Набат», «Месть» и «Песню первой партизанской дивизии», в рядах которой служила. Эти произведения вскоре стали самыми популярными среди бойцов-партизан. И когда осенью 1944 года народные бойцы входили в освобожденную от фашистов Тирану, над колоннами воинов мощно звучал «Гимн Албанской Народной Армии», написанный Дорой Лекой...

— В будущем году, — говорит албанская девушка, — я заканчиваю учебу в Московской консерватории. Получив высшее музыкальное образование в лучшей консерватории мира, я вернусь на родину. У меня большие планы. Мечтаю написать первую албанскую героическую оперу «Партизаны».

Педагог и воспитатель Доры Леки композитор М. И. Чулаки высоко оценивает способности своей ученицы.

А. АНАТОЛЬЕВ

Дора Лека на занятиях в Московской консерватории. Рядом стоит М. И. Чулаки.
Фото С. Шингарева

Квартет Федоровых

Сестры Федоровы — участницы художественной самодеятельности. 1944 год.

Машина, запорошенная снегом, остановилась у шлагбаума ледовой трассы, соединявшей Ленинград с Большой землей. Высокий боец в полушубке направился к кабине шофера. Сделав несколько шагов, он вдруг остановился и, приподняв ушанку, стал прислушиваться.

Сквозь ветер и пургу из полуторки, покрытой брезентом, доносилась знакомая мелодия. Чистые девичьи голоса звонко выводили: «Прощай, любимый город...»

Много раз солдату Никифорову приходилось слушать эту песню, но такого задушевного и искреннего исполнения он не помнил. Очарованный, стоял он, не слыша, как шофер настойчиво подает сигналы.

Открыв кабину, шофер подошел к солдату:

— Чего держишь? Отправляй! К вечеру надо возвращаться.

— Артисты?

— Рабочая семья, мать с пятью дочерьми.

— Вот бы их к нам, в армейский ансамбль. В окопах песни поют — заслушаешься.

— В армейский нельзя,— сочувственно сказал шофер,— ослабли очень. Полтора года в блокаде прожили, да и совсем дети еще: младшей седьмой год пошел.

— И тоже поет?

— Да я тебе говорю: все поют. Давай отправляй...

Машина, подпрыгивая на выбоинах дороги, скрылась в темноте, а солдат еще долго стоял, задумавшись.

...Русская песня издавна жила в семье Федоровых. Она звучала в селе Старый Борок на Псковщине, где родилась и вышла замуж Дарья Яковлевна. Она звучала на Балтийской улице, где Федоровы поселились после переезда в Ленинград. В семье пели все: отец, мать, дети. Иван Федорович и Дарья Яковлевна часто пели вдвоем. Сестренки сидели в это время на старом сундуке, прислушиваясь к голосам родителей. И не проходило дня, как мать слышала ту же песню от дочерей.

— Учите дочерей музыке,— советовали матери.— Из них выйдет толк.

Война расстроила все планы. Отец ушел на фронт. Семью эвакуировали на Урал, в Свердловск.

— Работать все будем, кроме Гали,— мала еще,— решила мать.

Катя пошла в швейную мастерскую, Настя стала обувщицей, Нина — строителем. Нинель тоже сначала строила, а потом стала к станку. Работали много, напряженно. Но песня не была забыта. Придут, бывало, усталые с работы, закусят наспех, переоденутся — и в клуб. Там пели в хоре.

Выступление квартета сестер Федоровых. 1952 год.

После разгрома врага под Ленинградом семья вернулась в родной город. Сразу по возвращении Дарья Яковлевна отправилась с дочерьми на Кировский завод. В славном коллективе кировцев прибавилось пять новых фамилий Федоровых.

Катя первой записалась в хоровой кружок заводского Дома культуры. За нею пришли в хор ее три сестры. Руководитель попросил спеть что-нибудь вчетвером. Сестры спели. Так был «узаконен» их квартет.

Сестры Федоровы все свободное время посвящали любимому искусству. Их выдвинули на районный смотр художественной самодеятельности, оттуда — на городской, а там объявили: поедете в Москву на Всесоюзный смотр. Из столицы квартет вернулся с дипломом.

Встреча сестер Федоровых со знатоком русской песни Л. Шимковым многое изменила в их судьбе. Началась серьезная учеба, освоение вокальной школы.

Каждая песня девичьего квартета рождается непосредственно в народе. Вариант «Снежков белых», исполняемых квартетом, был записан от песенницы Канашиной в Псковской области, песни «Сон, мой сон» и «При народе в хороводе» — от ленинградского рабочего А. Березанского, а две другие — «Из столицы, из Москвы» и «Песнь о лесонасаждениях» — от их автора, молодой работницы городского хозяйства Л. Васильевой.

Теперь сестры стали выступать на эстраде, по радио, в домах культуры, в цехах заводов и фабрик. Их репертуар включает уже свыше полусотни народных песен. Квартет выезжал и в зарубежные страны — Венгрию, Чехословакию, Австрию, Финляндию. На Фестивале демократической молодежи в Будапеште Федоровы были удостоены звания лауреатов.

...Лучи осеннего солнца заливают просторную комнату. Леонид Иннокентьевич Шимков дирижирует. Сестры стоят рядком, впереди сидит баянист Володя Яковлев. Из самого сердца льется песня, свободная, радостная, солнечная:

Выйду, выйду на колхозные поля —
Колосится рожь кругом.
От колхоза и до самого Кремля,
И до самого Кремля
Поле стелется ковром...

Ты лети в Москву, соловушка, лети
От Покровского села,
Все ты Сталину родному расскажи,
Все родному расскажи
Про колхозные дела...

Квартет разучивает новую народную песню «Покровская колхозная».

— Хороша песня,— говорит Катя.— Мы ее в Октябрьские дни споем.

Из соседней комнаты выходит Дарья Яковлевна. Хитро прищурившись, она включает радио. Репродуктор доносит знакомое:

Ничто в полюшке не колышется,
Только грустный напев где-то слышится...

Это передается песня из кинофильма «Композитор Глинка» в исполнении Федоровых. На минуту все стихает в комнате.

До чего прекрасна русская земля в шелковом наряде полей, в зеленом уборе лесов! И как естественное выражение чудесной поэзии, которой полна русская природа, звучит песня. Ее мелодия раздольна и широка, как родной простор, величава и свободна, как полноводная река...

И, подпевая самим себе, поющим по радио, Федоровы подхватывают:

Пастушок напевал песню дивную,
В этой песне вспоминал свою милую...

Сестры Федоровы вносят в русскую песню своеобразную манеру многоголосного пения. Обычно русские песни поются двумя голосами, изредка тремя. Сестры поют в четыре голоса. Каждая ведет свою партию, а все вместе они составляют удивительный по красоте музыкальный ансамбль.

Федоровы получают много писем со всех уголков страны. Часто почта приносит тексты и музыку новых песен. И вечером, выступая в очередном концерте, сестры с благодарностью думают о своих многочисленных знакомых и незнакомых друзьях и с радостью посвящают им свое творчество.

К. ЧЕРЕВКОВ

МЫ ИЗ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На сцене лучших наших театров среди ведущих артистов немало найдется таких, которые начали свой творческий путь в самодеятельных театральных кружках. Среди них — замечательный мастер исторического портрета К. В. Скоробогатов, популярный певец А. Ф. Кривченя, молодой артист Иван Бугаев и делающий еще первые шаги на сцене и в кино Игорь Горбачев.

Оглядываясь назад...

К. В. СКОРОБОГАТОВ,
народный артист РСФСР

Моя театральная деятельность началась еще до революции в рабочем драматическом кружке любителей. На Обуховском заводе в Петербурге было два самодеятельных кружка — один инженерно-технического персонала и их семей, другой — рабочих.

Любительский кружок инженеров готовил концерты, или, как тогда называли, дивертисменты, ставил развлекательные пьески вроде «Ни минуты покоя», «Дело в шляпе», «Ушел и домой не пришел». Рабочие, кружком которых руководили талантливые и весьма культурные производственники — токари Горомов и Львов,— ставили классические пьесы вроде «Лес» Островского, «Иванов» Чехова, «Мещане» и «На дне» Горького.

Для того, чтобы поставить спектакль, требовалось разрешение начальника завода. Завод принадлежал морскому ведомству, хозяйничали в нем адмиралы, которые могли разрешить или не разрешить постановку.

Если инженерам-актерам удавалось играть без разрешения, то рабочим приходилось долго обивать пороги, вымаливая право на спектакль.

На приеме просителей у начальника завода говорились примерно такие речи.

Вице-адмирал Власьев: «Нет, не могу разрешить. Что вы все играете, а не поете, как инженеры? И что вы плохого находите в том, что помещица выгоняет из дому пьяницу-актера, такого же, как вы? Довольно того, что я смотрел у вас «Мещане» и ушел с первого действия. Нет, не разрешаю».

После такого «не разрешаю» рабочие шли на временную уступку — играли комедию Красовского «Жених из ножовой линии». Кстати, в ней исполнял я роль мальчика за прилавком — это было мое первое выступление на сцене.

Наконец вице-адмирал несколько отмяк и разрешил ставить «На дне». Но пьесу до конца сыграть не удалось: полиция разогнала актеров и зрителей как раз в тот самый момент, когда Клещ успел крикнуть: «Какая правда?.. Работы нет...» Роль Клеща исполнял опять я.

Само собой разумеется, что после вмешательства полиции, применившей насилие, идти к начальству снова за разрешением не было уже смысла. Энергией и настойчивостью руководителей кружка его работа была перенесена с территории завода за Нарвскую заставу, в маленькое помещение в Тентелевском переулке. Здесь мы играли «Лес», «Бедность не порок», «Свои люди — сочтемся» и, наконец, «На дне». После исполнения горьковской пьесы и на этой площадке продолжать спектакли запретили.

Тогда мы перебросили свою работу в село Рыбацкое, жители которого были почти сплошь рабочие того же Обуховского завода. Население горячо заинтересовалось неизвестным для них делом. Раньше в школе и волостном управлении устраивались воскресные чтения на религиозные темы, а тут спектакли... Народ валил валом и встречал и провожал актеров тепло и любовно.

Не раз еще мы переезжали с места на место, пока оба наших руководителя не были арестованы. Временно драматический кружок прекратил работу и вновь начал ее уже под моим руководством. Репертуар был почти тот же, за исключением «Мещан» и «На дне», категорически запрещенных к исполнению.

За слишком ретивое увлечение драматическим искусством меня уволили с завода. Оторваться от полюбившегося искусства у меня не было сил. Я стал заниматься самообразованием, скитался по клубам и театральным площадкам Петрограда и в провинции, как полупрофессионал.

Октябрьская революция открыла народу доступ ко всем видам искусства. Рабочая самодеятельность выросла ныне в подлинно массовое дело, равного которому нет нигде, ни в какой другой стране мира.

Моя биография актера пошла по-новому. Я и мои товарищи учились у мастеров русской реалистической школы. Нам открылся путь на сцену Академического театра.

Свыше трех пятилетий я работаю в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина. На этой сцене мне посчастливилось играть роль В. И. Ленина в пьесах «Кремлевские куранты» и «Незабываемый 1919-й». Среди других ролей можно назвать такие, как Фамусова в «Горе от ума», Суворова в одноименной пьесе, Бориса Годунова, Зыкова в горьковской пьесе, Крутицкого и Градобоева в пьесах А. Н. Островского.

Своими успехами в искусстве, которыми я, бывший рабочий с Невской заставы, имею право гордиться, я обязан партии, правительству, родному товарищу Сталину.

Снова на заводе

А. КРИВЧЕНЯ,
народный артист РСФСР

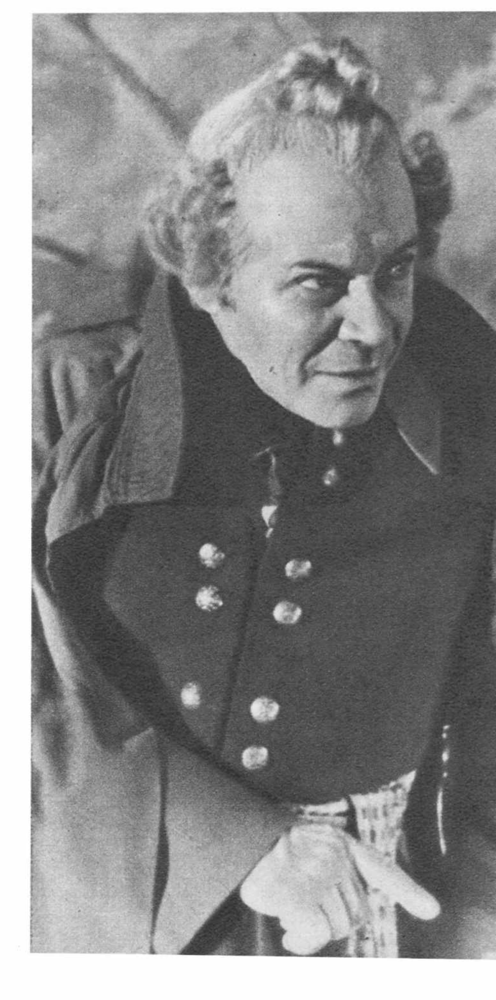
Летом 1950 года закончился мой первый сезон работы на сцене Большого театра СССР. Как-то утром почтальон принес мне письмо со штампом: «Одесса, Государственный завод стальных и пеньковых канатов». И сразу родным повеяло от письма. Ведь на этом заводе я провел свою юность, здесь пристрастился к искусству, отсюда направили меня на учебу в консерваторию. Много дорогих воспоминаний встало передо мной.

В маленьком клубе неподалеку от дома, где я жил, собирались железнодорожники. Подвизались там и мы, подростки с этой улицы. Впервые я испробовал свой «талант», как художник. С детства любил я рисовать, и меня охотно допустили к оформительской работе. Вскоре в самодеятельном театре появился 15-летний «главный художник», хотя других художников, кроме меня, там не было вовсе.

Вскоре я поступил на канатный завод кочегаром. И тут судьба вновь свела меня с клубной деятельностью. Котел, который я топил, обслуживал клуб завода, иначе называвшийся «ожидалкой»: там собирались рабочие перед сменами. Присмотревшись к занятиям драмкружка и вспомнив былые увлечения, я стал артистом. Это был 1927 год.

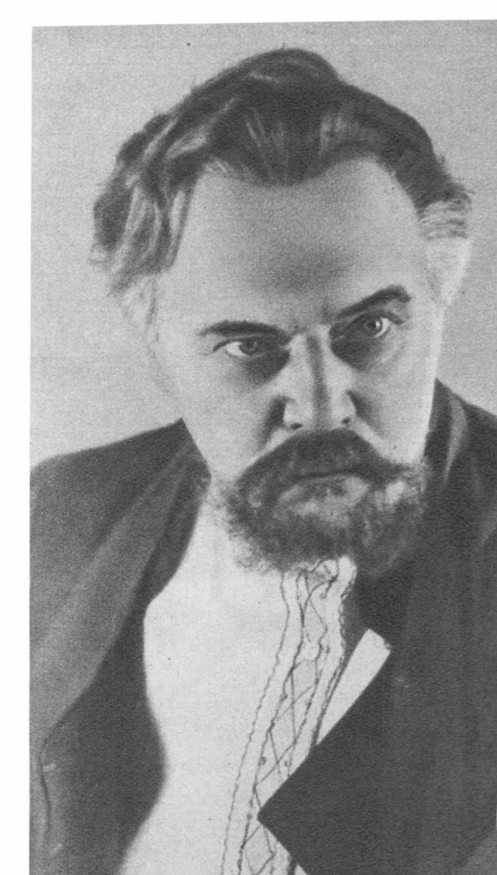
А в 1930 году при клубе решено было создать «синюю блузу». Перед специально созванной отборочной комиссией я спел популярную тогда песню «Шахта № 3». А вечером в тот же день я пел ее вторично уже перед комиссией консерватории, куда меня срочно направили с завода.

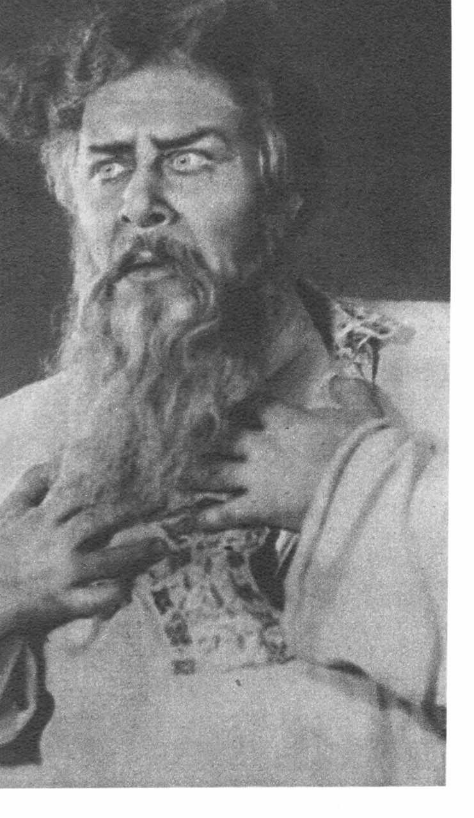
Совмещая занятия на вечернем рабфаке при консерватории с работой на заводе, я работал кочегаром, грузчиком, машинистом,

Суворов — народный артист РСФСР К. В. Скоробогатов.

Зыков — народный артист РСФСР К. В. Скоробогатов.

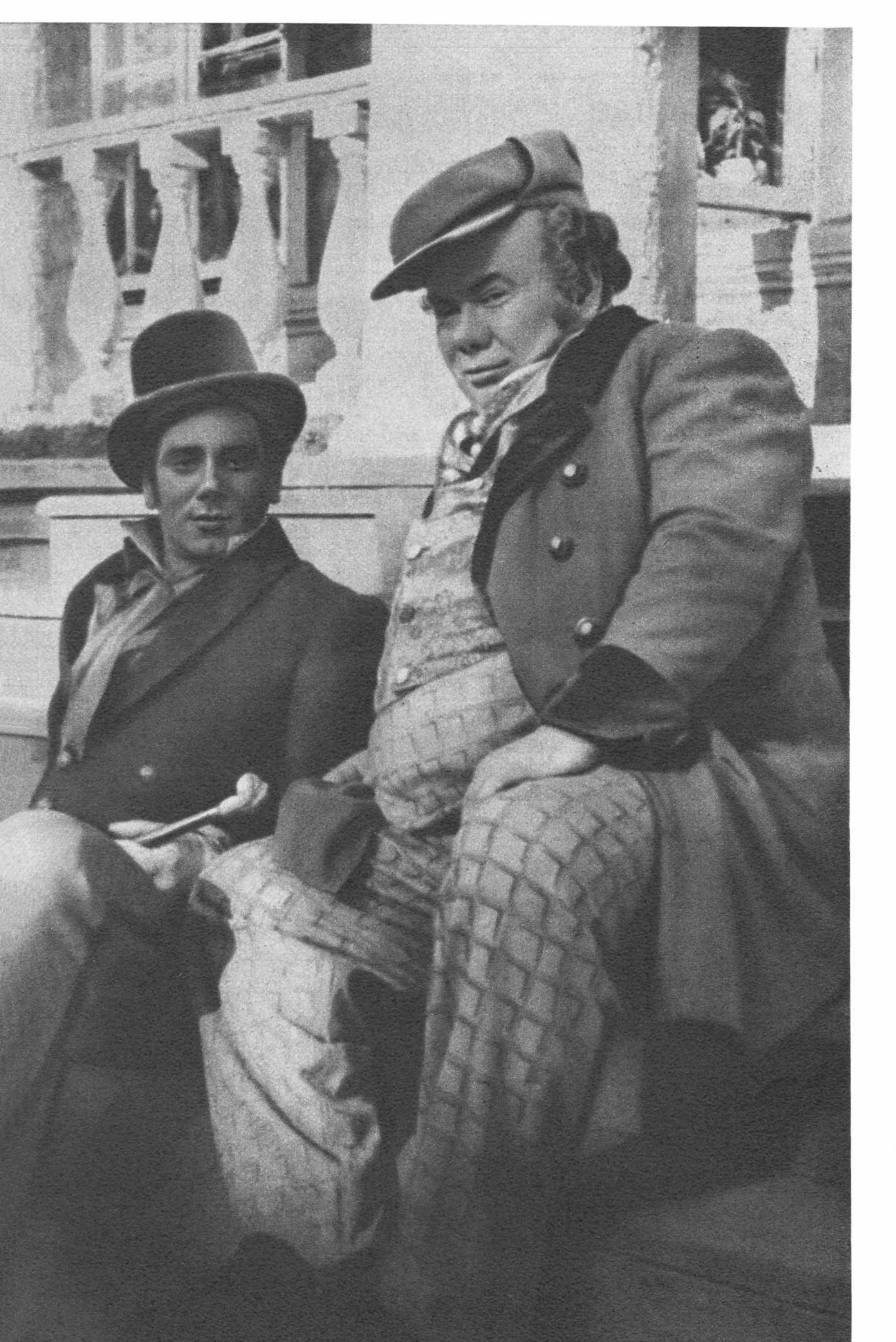
Народный артист РСФСР, солист Большого театра СССР А. Ф. Кривченя в роли Мельника («Русалка» А. С. Даргомыжского).

молотобойцем. Молодость и силы, а главное, всяческая помощь коллектива помогли преодолеть трудности. В 1933 году по окончании рабфака я был принят в консерваторию и смог целиком посвятить себя искусству.

И вот недавно по приглашению заводского коллектива я побывал в родной Одессе. Встретился там со старыми товарищами — кадровыми рабочими, с молодыми участниками заводской художественной самодеятельности, теми, кто сменил меня у станка и в клубе и кто, может быть, завтра повторит мой путь: уйдет в консерваторию или на профессиональную сцену.

Далеко шагнуло вперед наше самодеятельное искусство. Честно признаюсь, я, актер уже с порядочным стажем, выступавший как солист на подмостках Днепропетровского, Новосибирского, Харьковского и других оперных театров, спевший ведущие партии в Большом театре, так волновался на заводском концерте, как, наверное, не волновался никогда. Это был мой отчет перед доброжелательными, но строгими судьями, перед теми, кто меня воспитал, кто привил мне любовь к искусству, кто помог мне выйти на широкий путь творчества.

На съемках художественного фильма «Ревизор». Слева направо — Хлестаков (И. Горбачев) и Земляника (народный артист РСФСР М. Яншин).

Большая школа

И. ГОРБАЧЕВ,
артист Большого драматического театра имени А. М. Горького

Антонина Георгиевна Стафьярова взяла мальчика за руку и повела по дорожкам сада, усеянным желтой листвой. В гуще высоких деревьев виднелся красивый особняк.

— Ты не робей, читай, как вчера на школьном вечере,— говорила она.

Открылась дверь в большой сверкающий огнями зал Дома художественного воспитания Петроградского района. За столом сидели члены приемной комиссии.

Звонким детским голосом произнес первоклассник строки стихотворения «На смерть поэта».

И с этого дня по окончании уроков в школе маленький чтец стал заниматься в театральном классе, которым руководила А. Г. Стафьярова.

Так началась моя дорога к искусству.

Шесть лет, проведенные в художественной самодеятельности, привили нам, школьникам, не только любовь к искусству, но и к труду. Репетиции, разучивание ролей продолжались часами. К нам приходили артисты, мы готовили отдельные этюды, сами придумывали диалоги и целые сценки. Позже ставили пьесы.

Война прервала учение. Вместе с другими шестиклассниками в суровой обстановке блокады Ленинграда мы продолжали заниматься в художественной самодеятельности, читали стихи, рассказы, ставили одноактные пьесы в госпиталях для солдат и офицеров. Оказавшись затем на Урале, я стал работать слесарем и организовал на предприятии драматический кружок.

Возвратившись в Ленинград, я встретил прежних своих товарищей по школьной скамье. Но старшие уже поступили в университет и там вечерами занимались в театральном кружке. Заканчивая последний класс средней школы, и я стал вечерами посещать драматический коллектив студентов университета.

Мой первый дебют в университетской самодеятельности был в роли Валера в мольеровском «Тартюфе». Потом я исполнял Швандю в «Любови Яровой», Панталоне в «Слуге двух господ», Леонида в «Машеньке», Жадова в «Доходном месте», Смита в «Русском вопросе».

Каждая наша постановка сопровождалась глубоким изучением пьесы и той исторической обстановки, которая изображалась драматургом. Наш руководитель Е. В. Карпова настойчиво прививала нам навыки реалистического театрального искусства. В городском смотре художественной самодеятельности мы заняли первое место среди драматических коллективов и поехали со своим спектаклем «Ревизор» в Москву на всесоюзный смотр. Столичный театральный мир тепло принял наш спектакль.

И вот после шестнадцати лет участия в художественной самодеятельности я попал в Ленинградский театральный институт, который заканчиваю в нынешнем году. Я уже принят в труппу Большого драматического театра имени Горького. Еще нет и года моей работы на профессиональной сцене. Мною сыграны роли Бориса Ивнева в «Яблоневой ветке», Бентли в пьесе «Под золотым орлом», дона Цезаре де Базан в «Рюи Блазе». Сейчас репетирую роль Карандышева в «Бесприданнице» и совсем на днях закончил сниматься в новом художественном цветном фильме «Ревизор» в роли Хлестакова.

И таких, как я, немало. Я могу назвать Леонида Харитонова, занимающегося сейчас в студии МХАТа, Нелю Бадрягину — студентку училища Малого театра, Володю Чихачева — студента театрального института, Ирину Николаеву, ставшую артисткой. Все они также вышли из университетского самодеятельного кружка.

В нашей стране любой юноша, любая девушка могут посвятить свою жизнь профессии, к которой их влечет. Согретым материнской заботой Родины молодым творческим силам открывается прямая и светлая дорога.

Игорь Горбачев в роли дона Цезаре де Базан — «Рюи Блаз» В. Гюго.

С корабля на сцену

Это было незадолго до войны. По улицам приморского города, четко печатая шаг, шла на стрельбище рота краснофлотцев. Легкий ветерок, дующий с моря, далеко разносил слова песни. Встречные прохожие, услышав запевалу, останавливались и, будто зачарованные, долго смотрели вслед проходящей колонне.

Немудрено было заслушаться этим красивым голосом: столько в нем слышалось задушевности и в то же время залихватской удали — всего, чем отличаются настоящие русские певческие голоса.

Рота подошла к стрельбищу и остановилась.

И. Бугаев в 1943 году.

— Краснофлотец Бугаев, два шага вперед! — скомандовал лейтенант.

Коренастый, румяный крепыш со смеющимися глазами вышел вперед и вытянулся по стойке «смирно».

— С сегодняшнего дня, — строго сказал лейтенант, — категорически запрещаю вам петь в строю. Ясно? Вам как следует надо заняться голосом, большим артистом станете. Подумайте об этом на досуге, а голос свой поберегите.

...В Днепропетровской области есть поселок Одинковка. Беленькие хаты его утопают в садах. Знойными летними вечерами над рекой плывут одна за другой песни. И тут дело не обходилось без участия Вани, сына колхозника Максима Бугаева. Он запевал протяжные, плясовые и шуточные песни.

В поселковом клубе Ивану Бугаеву не раз предлагали серьезно заняться пением и рекомендовали поступить в днепропетровское музыкальное училище. Но с раннего детства он увлекался спортом и, окончив школу, поступил в техникум физической культуры. Пение он забросил, лишь изредка пел на вечерах самодеятельности.

Кто знает, как сложилась бы его жизнь, не уйди он в 1939 году в Черноморский флот...

О незаурядных вокальных данных краснофлотца скоро узнало командование, и Бугаев был зачислен в Ансамбль песни и пляски Черноморского флота.

В 1944 году юношу послали учиться в Ленинградскую консерваторию. Короткие сборы, прощание с друзьями — и потянулись дни напряженного труда.

...В конце 1945 года в Ленинградском академическом театре оперы и балета имени С. М. Кирова происходило несколько необычное прослушивание нового певца. Юноша в матросском бушлате с курсантскими погонами исполнял труднейшие оперные арии. Скоро Иван Бугаев, принятый в старейший русский оперный театр, исполнил партию Владимира Игоревича в «Князе Игоре» Бородина. С тех пор прошло больше шести лет, но и сейчас певец не может забыть, как волновался он в день первого выступления.

Затем была подготовлена партия Ленского, мечтательного юноши-поэта. Пел Бугаев и Альфреда в «Травиате» и Гвидона в «Сказке о царе Салтане»...

Летом 1949 года Иван Бугаев был послан в Будапешт на Всемирный фестиваль демократической молодежи. На состоявшемся конкурсе вокалистов он занял второе место.

В следующем сезоне молодой артист выступал на сцене Большого театра в Москве. Шла «Травиата».

— Кто сегодня поет Альфреда? — спросил в антракте у седоусого капельдинера представительный капитан первого ранга, повидимому, не успевший купить программу. — Бугаев? Да ведь это наш черноморец! — И он поспешно возвращается в зрительный зал.

Старый капельдинер смотрит ему вслед: «Вот и знакомого встретил в театре...»

Радио часто разносит голос Ивана Бугаева во все концы страны. «Наш Ванюша поет!» — с гордостью за своего земляка говорят колхозники Одинковки.

В кубрике корабля Черноморского флота притихли матросы у радиоприемника. Старшина рассказывает им, что Бугаев с ансамблем не раз выступал на корабле.

«Где найдешь страну такую...» — серебристый, звонкий голос раздается из репродуктора. Песня все нарастает и нарастает...

В. ЗУБИН

Солист Ленинградского государственного академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова И. Бугаев в роли Ленского.

Участники кинофильма «Максимка» во время съемки на борту корабля «Товарищ». В первом ряду сидят (слева направо) артисты Н. Крючков, Б. Андреев и архангельский школьник Толя Бавыкин.

Фото В. Богданова

Корабли на экране

Однажды жители Ростова-на-Дону были поражены, увидев у причала морского порта яхту «Дункан», порт приписки — Глазго. На борту этого судна, столь хорошо знакомого молодым читателям по роману Жюля Верна «Дети капитана Гранта», находились пассажиры — рассеянный французский географ Жак Паганель и дети шотландского моряка, которые в поисках своего отца обошли на корабле почти весь земной шар. Но вскоре изумление жителей Ростова рассеялось. Яхта «Дункан» оказалась трехмачтовым учебным парусным судном «Вега», матросами были курсанты мореходного училища имени Г. Я. Седова, а пассажирами — советские киноартисты.

Учебный парусный корабль «Вега» был снят для кинофильма «Дети капитана Гранта». Затем советские зрители видели это судно на экране под названием шхуны «Испаньоль» в картине «Остров сокровищ».

Многие суда советского морского флота оказались заснятыми в художественных, научных, документальных и учебных фильмах. На дизельэлектроходе «Россия» проходили съемки картины «Голубые дороги». В фильме «Танкер «Дербент» участвовало одно из передовых нефтеналивных судов Каспия — теплоход «Агамали оглы».

Этим летом на Черном море проходили съемки новых советских художественных фильмов: «Адмирал Ушаков» студии «Мосфильм» и «Максимка». Режиссеров и операторов Киевской студии художественных фильмов привлек стройный, белоснежный учебный трехмачтовый парусный корабль — барк «Товарищ», совершающий плавание с курсантами мореходных училищ. Это судно своими внешними очертаниями, высокими мачтами, чуть-чуть подавшимися назад, сверху донизу покрытое огромными полотнищами парусов, словно переносит нас в век фрегатов, корветов, клиперов и бригов.

Преобразился внешний вид «Товарища», временно превращенного в корвет «Богатырь» — корабль русского Военно-Морского Флота шестидесятых годов прошлого столетия. На борту «Товарища» студия производит съемку новой цветной картины «Максимка». Сценарий картины написан Г. Колтуновым по мотивам морских рассказов К. Станюковича. Режиссером картины является лауреат Сталинской премии В. Браун, известный советским зрителям по фильмам «В дальнем плавании» и «В мирные дни».

В кинофильме «Максимка» зритель увидит благородство, гуманность и отвагу русских моряков. Пусто было в безбрежных просторах Атлантического океана, когда состоялась встреча корвета «Богатырь» с американским бригом «Бетси», перевозившим черных рабов из Африки в Бразилию. Шкиперу корабля «Бетси» принадлежал негритенок, которого он нещадно бил, заставляя исполнять непосильную работу. Не выдержав издевательств американца, мальчик кинулся с борта судна в океан.

Матрос, находившийся на салинге корвета «Богатырь», заметил утопающего. Русские моряки и среди них лихой и отважный матрос Лучкин спасли негритенка. Они накормили и приласкали его, сшили ему морской костюм. На каждом шагу Максимка, как моряки прозвали мальчика, встречал теплое участие. Он почувствовал себя, как в родной семье. Матрос Лучкин взял его под особое покровительство, и Максимка стал всеобщим любимцем команды корвета «Богатырь».

В фильме «Максимка» снимаются известные советские киноартисты — лауреаты Сталинской премии. Роль матроса Лучкина исполняет Б. Андреев. Судового врача корвета «Богатырь» играет М. Бернес, боцмана — Н. Крючков. В роли шкипера американского брига «Бетси» выступает М. Астангов.

Негритенка Максимку играет девятилетний архангельский школьник Толя Бавыкин. Участвуя в съемках фильма, юный артист под руководством одного из одесских педагогов продолжает учиться.

Б. ГЕОРГИЕВ

ОБЛИК СОВЕТСКОГО СПОРТСМЕНА

Анатолий СОФРОНОВ

Фото А. Гостева

Вспоминаются последние дни июля 1952 года в Хельсинки, в столице Финляндии. XV олимпийские игры в полном разгаре. Спортсмены всех стран ежедневно встречаются на беговых дорожках, в водном бассейне, на футбольных полях, на рингах, на гимнастических площадках. Идет напряженная, острая борьба за лучшие спортивные результаты, за новые рекорды.

Советские спортсмены впервые участвуют в Международных олимпийских играх. Игры 1948 года в Лондоне принесли легкую победу команде США. Мы смотрели один из журналов, выпущенных в Америке, где были опубликованы итоги соревнования. На первом месте, далеко обогнав своих конкурентов, значилась американская команда.

Это было всего 4 года назад. Теперь не то. Здесь, в Хельсинки, все чаще и чаще на высоких башнях олимпийского стадиона, в спортивных залах поднимался алый флаг Советского Союза — знак победы.

Любители сенсаций, различные клеветники из реакционных газет Америки и Западной Европы пророчили поражение советским спортсменам, предсказывали, что представители Советского Союза отгородятся от всех спортсменов мира «железным занавесом». Много было написано на эту тему. Но вот наступили олимпийские игры, и померкли «пророчества» буржуазных писак. Спортсмены всего мира воочию убедились в благородном характере советских мастеров спорта.

Нам, побывавшим на Международных олимпийских играх, это было особенно видно. Вспоминается один из последних дней июля. Олимпийские игры шли к концу. Закончились гребные и парусные состязания, и мы посетили так называемую Олимпийскую деревню — место расположения спортсменов стран Западной Европы, Америки, Австралии и Ближнего Востока.

Советская легкоатлетка Елизавета Багрянцева приветствует китайских спортсменов.

Нина Думбадзе получила в подарок значок индонезийских спортсменов.

Был жаркий день. В небольшой комнате, в которой жили австралийские гребцы, стояло 6 кроватей, на них лежали спортсмены.

Мы разговорились и узнали; что среди них был австралийский чемпион Вуд, занявший второе место на дистанции, на которой первое место занял советский спортсмен Юрий Тюкалов. Кто-то спросил, как относятся австралийские гребцы к нашим советским спортсменам и, в частности, к Юрию Тюкалову. Ответы были немногословны:

— Хорошие ребята! Приветливые, радушные.

Мы спросили, каким образом наши собеседники установили это.

— Это было легко сделать, так как некоторые из ваших знают английский язык. Очень общительный народ. Юрий Тюкалов — феноменальный спортсмен.

— Мы страна океанская,— говорили австралийцы,— и никогда не думали, что в Советском Союзе есть такие отличные гребцы.

Наша беседа длилась довольно долго. Чем дальше, тем больше пропадало чувство некоторой отчужденности, которое было в начале беседы; появились сердечность и простота людей, понявших друг друга.

— Приезжайте к нам в Сидней,— обратились к нам австралийцы, пожимая руки на прощанье,— ведь следующие олимпийские игры будут в Австралии.

Они провожали нас до ворот городка. Эти здоровые и крепкие ребята с уважением и, я даже сказал бы, с некоторой спортивной завистью делились с нами своими впечатлениями о советских спортсменах.

О том уважении, с каким относятся к советскому спорту и советским спортсменам люди различных стран, можно было судить по многим приметам.

Мировую рекордсменку по метанию диска, высокую, красивую, с умными глазами, Нину Думбадзе на стадионе в Хельсинки замечали сразу. Слава об этой дочери грузинского народа, о советской спортсменке перешла границы многих государств. Не случайно поэтому именно к ней тянулись десятки рук с просьбой дать свой автограф. Не случайно из Праги на ее имя пришла приветственная телеграмма из спортивной легкоатлетической школы имени Нины Думбадзе. Чехословацкие спортсмены желали успехов.

Обстоятельства сложились таким образом, что мировой рекордсменке пришлось участвовать в олимпийских играх после тяжелой болезни. Когда она бросала диск, то первые попытки ее были не наилучшими. Один финский спортсмен, говоривший на ломаном русском языке, с сердечной простотой обратился к ней:

— Мадам Думбадзе, вы бросаете против встречного ветра, бросайте диск немного ниже.

В этом также видно отношение к советским спортсменам. Оно передается из страны в страну. И недаром чемпионка Румынии по метанию диска Лия Манолиу говорила:

— Нина Думбадзе помогла мне установить рекорд в метании диска; она указывала на ошибки в движениях, поправляла их. Какая это чудесная спортсменка! Она вместе со мной переживала радость моего успеха.

Нина Думбадзе на олимпийских играх уступила первые два места Нине Ромашковой и Елизавете Багрянцевой, но когда она вышла и заняла свое место на пьедестале почета, при упоминании ее имени стадион разразился самыми громкими аплодисментами. Так встречали достойную дочь советского народа, завое-

Слева направо: В. Сухарев, Л. Санадзе, Л. Каляев, Б. Токарев идут с американскими и венгерскими спортсменами после эстафетного бега.

вавшую популярность и уважение во всем мире своими высокими спортивными результатами и своей благородной скромностью.

Отличительной чертой советских спортсменов является их неуспокоенность. Она очень развита у Нины Думбадзе. Вернувшись домой, в Тбилиси, она продолжала тренировки: бросала диск на 55, 56, 57 метров. Думбадзе ежедневно посылала диск за черту мирового рекорда, но занятий не прекращала, ибо нужно было дать «устояться» этому новому результату.

Наконец она почувствовала себя подготовленной и вышла на соревнования тбилисских легкоатлетов. Ее бросок — 57 метров 4 сантиметра — был итогом долгой и упорной работы. Нина Думбадзе на 3 с лишним метра превзошла мировой рекорд Нины Ромашковой.

Советских спортсменов уважают потому, что в их выступлениях нет противного духа «конкуренции». Они не прячут «секретов», делятся своими успехами.

Александра Чудина — капитан волейбольной команды Советского Союза — учила в Москве играть индианок, которые также участвовали в чемпионате мира.

Советские спортсмены в Познани проводили совместные тренировки с польскими борцами, указывали им на недостатки, показывали новые технические приемы. Таких примеров множество.

Острыми и насыщенными оказались встречи по баскетболу на олимпийских играх. Большое количество команд Европы, Южной Америки и Соединенных Штатов оспаривало право завоевать первые места.

Некоторые игры изобиловали острейшими моментами. Всем памятна встреча французских и уругвайских баскетболистов, окончившаяся нокаутированием судьи-американца, неточно судившего игру в пользу французов. Вообще южноамериканской команде был свойственен резко темпераментный «стиль» игры, порой переходивший в открытую грубость.

Баскетбольные встречи, проходившие в маленьком зале Мессухалли, собирали всякий раз большое количество зрителей. В этом душном помещении в жаркие июльские дни люди сидели, плотно прижавшись друг к другу, потому что было тесно. Каждый бросок, каждое попадание в кольцо воспринимались криками, свистом, коллективными выкриками. Если играли французы, то французские спортсмены и болельщики начинали петь французские песни — это все для того, чтобы влить уверенность, призвать к победе свою команду.

Напряженными и острыми оказались встречи американских и советских спортсменов, в том числе финальная.

Следует отметить высокую техничность американских баскетболистов, но одновременно нужно сказать, что средний рост игроков американской команды составлял около двух метров. С небольшим превосходством очков победили баскетболисты США.

Но какими громкими аплодисментами встречали зрители каждого советского игрока и особенно динамовца Коркия! И это понятно, ибо не было на баскетбольной площадке более корректных и одновременно острых игроков, чем советские спортсмены. Не раз зрители награждали их рукоплесканиями не только за безупречную игру, но и за товарищеское, чисто спортивное отношение к игрокам так называемой «противной команды».

Так день сменялся днем, встречи сменялись встречами. Спортсмены всех стран все больше и глубже узнавали друг друга, и с каждым днем эти симпатии все росли и увеличивались.

И когда по указке американских боссов, присутствовавших на олимпийских играх, некоторые судьи засуживали советских боксеров, зрители неистово свистели и топали ногами, не соглашаясь с решением судейской коллегии.

Даже во многих буржуазных газетах в адрес советских спортсменов писалось немало хороших слов.

Известный голландский спортивный комментатор Баккер писал в журнале «Элсевирс»:

«Описывая олимпийские игры, я должен отдать пальму первенства советским спортсменам.

Все были поражены не только их достижениями, но и их поведением. Ни одного раза советские спортсмены не поступили вразрез с рыцарской вежливостью. И это тем более радовало, ибо многие (особенно американцы) ожидали от русских противоположного.

Участники голландской команды по ватерполо рассказывают о высокой выдержанности советских спортсменов. Никаких фокусов, никаких подлых уверток, а упорное и честное сражение и с достоинством встреченное поражение.

Советские спортсмены, впервые участвовавшие в олимпийских играх, показали, что они являются лучшими спортсменами в мире. Как и другие, они имели отдельные поражения, но ведь не без этого. Во всяком случае, всеобщее внимание было приковано к спортсменам Советского Союза, которых отличает исключительное благородство.

Советский Союз завоевал себе в Хельсинки огромные симпатии. Выступления советских спортсменов еще раз подчеркнули их стремление к миру во всем мире».

И сейчас приходит на память дождливый день 19 июля 1952 года, когда в Хельсинки на высокой башне стадиона был зажжен огонь олимпийских игр.

В этот день под знаменами своих государств на зеленое поле стадиона вышли спортсмены многих стран мира. Сочувственно встречали спортсменов почти всех стран, но особым гулом восхищения наполнился стадион, когда с красным флагом вышла на спортивное поле могучая спортивная делегация Советского Союза. Широким шагом шли по стадиону советские спортсмены, высоко подняв знамя своего государства.

Это государство — наша любимая советская Родина — воспитало за 35 лет советской власти десятки тысяч первоклассных спортсменов. За ними, рекордсменами Советской страны, защищающими честь нашей Родины на спортивных площадках всего мира, стоят миллионы физкультурников.

На школьных скамьях сейчас сидят будущие рекордсмены; они с восторгом повторяют имена прославленных советских спортсменов и готовят себя к новым достижениям во славу нашей Родины.

Перед ними открыта широкая спортивная дорога.

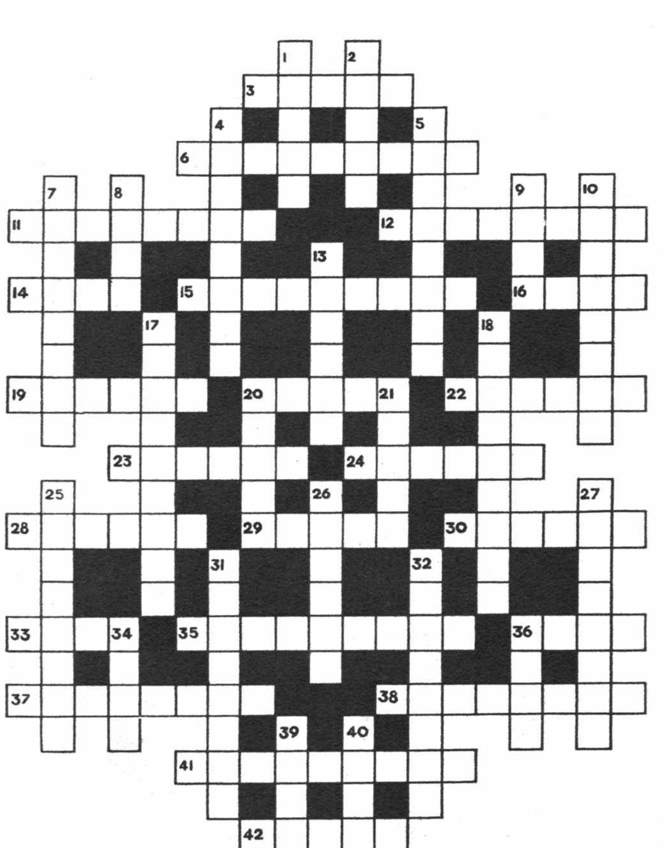
Чемпионка и рекордсменка олимпийских игр, рекордсменка мира Галина Зыбина беседует с польскими спортсменами.

НА КОЛХОЗНОЙ ЯРМАРКЕ. Н. В. ГОГОЛЬ: — «Що боже, ты мій!.. чого нема на тій ярмарці!.. що хоть бы в кишени було рублив и с тридцять, то и тогди б не закупив усіеи ярмаркы».

Рисунок Е. Ведерникова

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Герой пьесы Б. Лавренева «Разлом». 6. Обилие материальных ценностей. 11. Место для велосипедных гонок. 12. Прибор для охлаждения двигателей внутреннего сгорания. 14. Сооружение на реке, канале. 15. Стремление к сохранению мира. 16. Минерал из породы силикатов. 19. Отечество. 20. Собрание представителей. 22. Политическая организация. 23. Форма производственного объединения. 24. Современный чилийский поэт. 28. Устье реки. 29. Сельскохозяйственная машина. 30. Возраст. 33. Занятие, работа. 35. Большое празднество. 36. Награда победителю. 37. Передовая часть общественной группы, класса. 38. Дружественные отношения, единодушие. 41. Движущаяся лестница. 42. Население государства.

По вертикали:

1. Драгоценный камень. 2. Деталь локомотива или вагона. 4. Машина для передвижения. 5. Южное дерево. 7. Судно. 8. Объединение. 9. Музыкальное произведение. 10. Испытанный, надежный товарищ по борьбе, деятельности. 13. Горная порода. 17. Машина для превращения механической энергии в электрическую. 18. Лицо, принадлежащее к постоянному населению государства. 20. Приветствие. 21. Река, на которой сооружается новая грандиозная гидроэлектростанция. 25. Город в Кузбассе. 26. Участник детской организации. 27. Сверхтвердый сплав, изобретенный в СССР. 31. Движение вперед. 32. Древний русский город. 34. Часть суток. 36. Заранее намеченная система мероприятий. 39. Искусственное русло. 40. Воодушевление, энтузиазм.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

9. Бересклет. 10. Передовик. 11. Тахометр. 13. Епиходов. 14. Откос. 15. Клятва. 16. Клинок. 17. Монолог. 19. Астроном. 21. Плановик. 23. Фарада. 24. Метель. 28. Поплавок. 31. Медведев. 33. Водомер. 34. Боксит. 36. Джигит. 37. «Стоик». 38. Колосова. 39. Уважение. 40. Пирамидон. 41. Фототипия.

По вертикали:

1. Металлист. 2. Репортер. 3. Скрепа. 4. Метроном. 5. Телескоп. 6. Мениск. 7. «Бородино». 8. Синология. 12. Аккорд. 17. Мочалов. 18. Глетчер. 20. Осада. 22. Налив. 25. «Локомотив». 26. Проток. 27. Дефиниция. 29. Листопад. 30. Корсаков. 31. Меркуров. 32. Единение. 35. Теория. 36. Дракон.

Зарубежный юмор

ДЕШЕВЫЙ СПОСОБ

— Мне хотелось бы попутешествовать вдоль побережья Италии.

— Тогда поезжай этим пароходом.

— Этим? Но он ведь направляется в Неаполь разгружать американское вооружение!

— Вот то-то и оно. Пока американцы убедятся, что и в Италии никто больше не хочет разгружать для них вооружение, пароход обойдет весь итальянский полуостров. Недавно я таким манером объездил всю Францию.

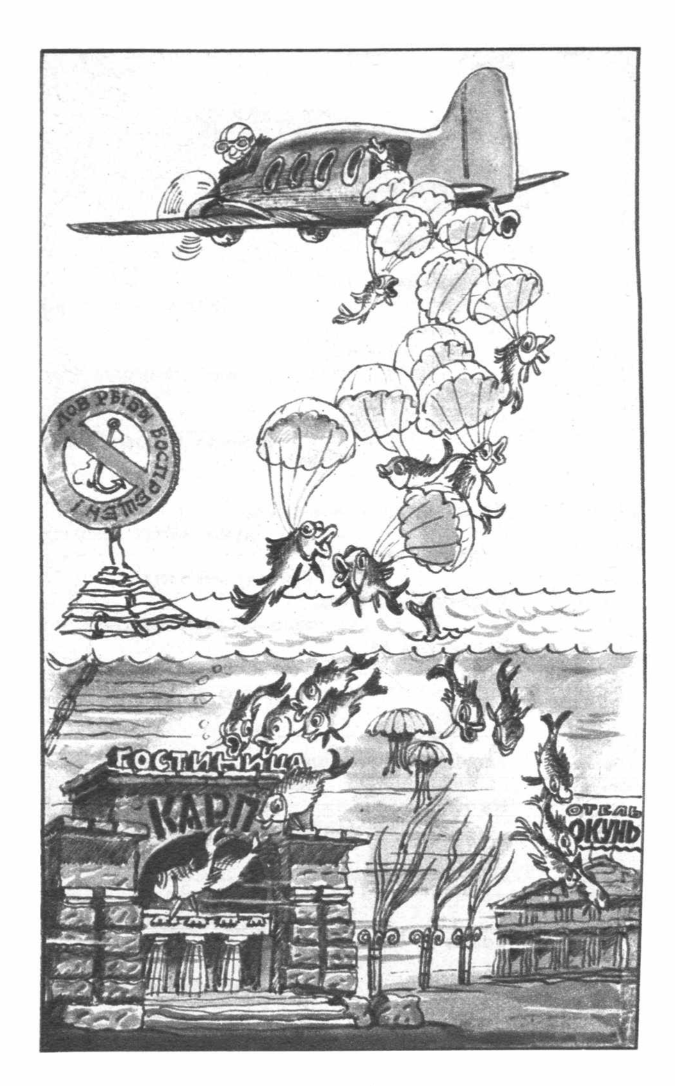
«Дер фрише винд»

В БЕЛОМ ДОМЕ

— Подтвердили французы получение оружия, посланного нами во Вьетнам?

— Подтвердили. Но не французы, а вьетнамцы.

«Дикобраз». Прага.

Осенние «посадки» на новом море.

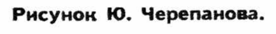
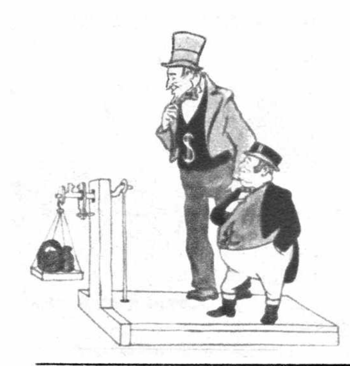

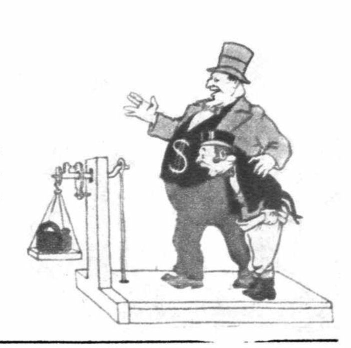
Рисунок Ю. Черепанова.

УМИЛИТЕЛЬНАЯ «ДРУЖБА»

Дядя Сэм (Джону Булю): — Смотри, дружище, мы совсем не потеряли в весе...

Рисунок Е. Гурова

В МЕДВЕЖЬЕМ УГЛУ

Рисунок Е. Ведерникова

«НА ДИКОМ БРЕГЕ ИРТЫША»

НОВОЕ «ПОКОРЕНИЕ» СИБИРИ (по Сурикову).

Рисунок И. Семенова.

А. С. Двойниковский в заводской оранжерее.
Фото И. Тюрякова

Канны

Александр Сергеевич Двойниковский приехал в Первоуральск четыре года назад из Сочи к дочери, чтобы вместе провести отпуск.

32 года работал он садоводом. 20 лет из них в субтропиках. После сказочно богатой природы юга природа Урала показалась ему суровой.

Как-то разговорился садовод с директором Ново-Трубного завода Я. П. Осадчим.

— Да, природа у нас беднее, чем в Сочи,— говорил директор завода.— Нельзя этого отрицать... Сходим к нам на завод.

Цеха Ново-Трубного завода отличались необычной чистотой: меж цехов легли асфальтированные тротуары и дороги.

Осадчий сказал садоводу:

— Представьте себе эту площадь в цветах. Аллеи фруктовых и декоративных деревьев! Выйдут рабочие из цеха — и вдохнут полной грудью аромат цветов. Хорошо! Но некому заняться у нас этим: специалистов нет. Знаете что? Оставайтесь у нас.

Александр Сергеевич не остался. Он вернулся в Сочи. Но вернулся лишь затем, чтобы отгрузить на Урал ящики с черенками лавра благородного, лимонов, финиковых пальм, кактусов, роз, олеандров, магнолий. Он сопровождал сам этот драгоценный груз.

Садовых теплиц в Первоуральске не было. Рассаду редких на Урале растений выращивали в небольшой огуречной теплице.

Весной 1950 года рабочие вскопали под окнами цехов землю, устроили клумбы. В тот год они высадили в грунт свыше ста тысяч корней цветов.

Красивые аллеи ветвистых тополей и кленов обрамляли теперь тротуары.

Весной 1952 года в Первоуральске построили оранжерею с питомником для выращивания декоративных и плодовых деревьев.

Александр Сергеевич мечтал сделать Первоуральск похожим на южный город, украсить его вечнозелеными растениями и радовался, когда высаженные им в парк заводского клуба кусты можжевельника, этого северного кипариса, принялись.

Радовались вместе с ним и рабочие: на заводском дворе было создано много цветников, высажено более пяти тысяч деревьев; в жилых помещениях росли субтропические культуры — гортензии, олеандры; в оранжерее выращивались пальмы, драцены, агавы, кипарис Лавсона, вечнозеленый падуб, индийская азалия.

Еще прошлым летом Александр Сергеевич обещал рабочим:

— Подождите, будущей весной я для вас канны высажу!..

И все ждали эти невиданные на Урале цветы. Весной этого года Александр Сергеевич высадил канны в вазы, стоящие на тумбах.

Канны цвели бурно, рассыпая свои пурпурные колокольчики по краям вазы... Все знали, сколько их, этих колокольчиков, выпустил каждый побег.

Однажды кто-то сорвал один бутон. Молодежь в цехах собиралась группами, обсуждала это событие, все призывали виновного сознаться.

Виновник пришел в оранжерею к Александру Сергеевичу вечером, после работы. Молодой рабочий сказал:

— Простите меня. Это я сорвал канну. Не думайте больше ни на кого. Я хотел подарить цветок... своей девушке.

Александр Сергеевич, взглянув в побледневшее лицо паренька, спросил:

— Домой идешь сейчас? Подожди.

Он собрал букет цветов. Тут были белые лилии регале, георгины, синий ирис. Пурпурные свежие канны глядели в небо своими колокольчиками.

— Подари своей девушке. Можешь не говорить ей, что это тебе подарок от меня за честное признание.

О. МАРКОВА

Сессия Академии

Владимир ЛУГОВСКОЙ

Май в Ашхабаде,
солнце над садами.
Овацией,
хлопками сотен рук
Шумит
взволнованный
зал заседаний
Туркменской Академии наук.

А голос все звучит;
скользя, бежит указка
По карте,
где видны
земных пластов следы;
И оживает,
словно в древней сказке,
Дорога жизни,
зелени,
воды.

Здесь
самый цвет
огромных экспедиций,
Что в Кара-Кумы
двинула страна,—
Спокойные глаза,
обветренные лица,
Для всей Туркмении
живые имена.

Здесь столько
по рядам
людей знакомых!
Лети и ширься,
памяти размах:
Вот тех
встречал я
на дворе райкома,
А с этим
ночь проговорил
в песках,

Качался
месяц тонкий, круторогий,
Когда у буровой
я подошел к нему.
Они прошли
по всем тропам-дорогам —
От Каспия
до берегов Аму.

И академики,
облокотясь, застыли
Там, за столом,
под бархатом знамен.
В костюмах,
тронутых
дорожной пылью,
Они из дальних прибыли сторон.

И властное
в речах
идет движенье мысли.
Народ не хочет ждать —
он время обогнал.
От рыжих волн Аму,
от маленького мыса
Рукой вождя
он прочертил канал.

И вот ложится план,
в даль торопящий годы,
Где каждый день учтен
и каждый механизм,
Где нами
вызваны
все тайники природы
Для стройки,
что ведет
полмира в коммунизм.

Здесь каждый внес свое,
души своей частицу.
Суровый этот труд
в историю войдет.
Работники песков,
солдаты экспедиций,
Взглянули вы
сейчас
на много лет вперед.

Так Сталин увидал
поля, дороги, зданья
На карте,
где мертвы
пустыни рубежи.
Любовь народа
с тем,
кто умножает знанье!
Хвала и честь
тому,
кто умножает жизнь!

И сила творчества,
тот страстный,
гордый трепет
Идет по всей стране,
бессмертие суля.
И вот уж вихрь степей
на мачтах
флаги треплет
И дышит влагой
обновленная земля.

Припомнятся тогда,
в минуты ликованья,
Стоянки ваши,
зной,
ночных костров огни.
Как молодости весть,
взлетят воспоминанья,
Пронижут сердце,
промелькнут они.

Припомнятся тогда
все путевые встречи,
Моторов тяжкий рев,
вагонов перестук,
Горячие,
уверенные речи
В Туркменской Академии наук.

Под синевой,
ничем не омраченной,
Обнимет
вся страна,
труд оценивши
свой,
Строителей, искателей, ученых —
Работников своих
отряд передовой.

В этом номере помещены 12 страниц цветных вкладок. *Следующий номер «Огонька» выйдет 16 ноября 1952 года.*

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 07705. Подп. к печ. 29/X 1952 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 7,54 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 848 Заказ 2511. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, улица «Правды», 24.

Незабываемая встреча.

Картина В. П. Ефанова.

ВО ИМЯ МИРА. (Подписание договора о дружбе, союзе и взаимопомощи между Советским Союзом и Китайской Народной Республикой).

Картина В. Вихтинского, Б. Жукова, Е. Левина, Л. Чернова, Л. Шматько.

Огни колхозной ГЭС

Картина Ю. С. Подлясского

На строительстве Каховской гидроэлектростанции. Земснаряды разрабатывают котлован под водосливную бетонную плотину и здание ГЭС.

Фото С. Фридлянда

Цена номера 3 руб.

